

ИЛЬЯ ДЕРЕВЯНКО ВОЛЧЬЯ ДОЛЯ

СБОРНИК

ИЗДАТЕЛЬСТВО СИЛК-ПРЕСС, МОСКВА 2017 ГОД

Илья Деревянко

Волчья доля (сборник)

«СИЛК-ПРЕСС»

Деревянко И.

Волчья доля (сборник) / И. Деревянко — «СИЛК-ПРЕСС»,

ISBN 978-5-6040076-2-4

Там, где царят волчьи законы. Там, где жизнь людская не стоит и гроша – выживает тот, кто сильнее, жёстче, безжалостнее. У бандитов много денег, но вся их жизнь – сплошной бой без правил. Даже если тебе повезёт и ты выбьешься в авторитеты – однажды настанет момент, когда молодой, свирепый хищник прыгнет тебе на спину. И это будет последнее, что ты почувствуешь....

ISBN 978-5-6040076-2-4

© Деревянко И.
© СИЛК-ПРЕСС

Содержание

Разборка	5
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	31
Глава 7	37
Глава 8	42
Глава 9	48
Глава 10	53
Глава 11	58
Глава 12	62
Глава 13	68
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Илья Дервянко

Волчья доля (сборник)

Разборка

Глава 1

Пустынное ночное шоссе едва освещалось редкими фонарями. Накрапывал противный мелкий дождик. Машина осторожно пробиралась вперед, обходя залитые водой и грязью выбоины в асфальте. За рулем сидел Малюта. Грач¹ лениво развалился на переднем сиденье, покуривая сигарету. Он постоянно задремывал и не сразу заметил, как пепел упал на штаны. Грач тихо выругался, выбрасывая окурки в окно.

– Слышь, Пашка, – обратился он к товарищу, – долго еще мы тут мудохаться будем?!

– Садись за руль сам, – огрызнулся тот, – не видишь, какая дорога?!

Грач с Малютой были старыми друзьями и никогда не ссорились, просто они до предела вымотались, выполняя очередное поручение Славика. Вот нервы и натянулись, как гитарные струны. Поручение, на первый взгляд проще простого, оказалось исключительно сложным. Некий коммерсант, не в меру хитрый и самоуверенный, задолжал другому представителю российской буржуазии огромную сумму. Отдавать же не собирался, нагло посылая кредитора куда подальше. Такое случалось сплошь и рядом, казалось бы, хрен с ними, с торгашами бессовестными, но облапошенный бизнесмен находился «под крышей» Северной бригады города Н-ска, которую возглавлял Славик и где работали Малюта с Грачом. Бизнесмен добросовестно платил дань – не то что некоторые жлобы, которые вечно крутятся словно ужи на вилах. Пока ничего не случится – денег не платят, зачем зря тратиться, раз все спокойно? Скулят – «дела плохо идут, обнищали, дескать, кушать нечего». Но когда припрет – прибегают, все в соплях, в ножки падают: «Помогите, господа бандиты, пропадаем!» Этот же бизнесмен сотрудничал честно. Раз так, то и с ним поступили честно. Славик, он же Вячеслав Савицкий, лично позвонил паршивцу, предупредил. Тот побожился: «Все будет в порядке, через три дня верну долг». Прождали неделю – он даже не почесался. Тогда Савицкий вызвал Малюту с Грачом и дал четкую инструкцию:

– Для начала набить морду вполсилы, вот адреса офиса, вот домашний.

Славик поддерживал среди своих жесткую дисциплину, поэтому все его приказы выполнялись беспрекословно. Набить так набить, айда, братан! Ехали в приподнятом настроении: сейчас быстренько обтяпаем дельце, потом расслабимся в кабаке.

Когда прибыли к офису, выяснилось, что он доверху нашпигован милицией. Ах, до чего хитрый коммерсант, но и дурак вместе с тем.

Четыре дня «пасли»² его по городу, постепенно накаляясь злобой, наконец отловили в глухом местечке. Сломали ребра, челюсть, отшибли почки, перебили ломиками ноги. Затем, оттащив подальше, чтобы не подох раньше времени, – взорвали машину. Грохот взрыва привлек внимание общественности. Едва отъехали – налетел ОМОН. Он-то и доставил полуживого буржуа в больницу.

¹ Это не имена, а блатные клички.

² Следили.

Неприятности на этом не прекратились. По пути домой три раза тормозили гаишники, обнюхивали машину со всех сторон. Ну что тебе надо, командир? Оружия нет, документы в порядке. Морда подозрительная? Извини, таким родился!

По этой причине Грач с Малютой и кипели раздражением, даже между собой едва не полаялись. Первым опомнился Грач:

– Ладно, Пашка, сам понимаешь, проклятый барыга с мусорами всю психику издергали!

Между тем машина хоть медленно, но продвигалась вперед. За мутными окнами показались очертания родного района. Дождь усилился, снизив почти до нуля и без того паршивую видимость. Малюта пытался рассеять темноту мощным светом фар. Вдруг машина резко затормозила.

– Твою мать! Прямо посреди дороги стоят прикурки! Едва не задавил!

В центре мокрого шоссе, широко расставив ноги, устроились четыре крепкие фигуры в блестящих от дождя кожаных куртках. Малюта просигналил – «прикурки» не шелохнулись, тогда разъяренный Грач выскочил наружу...

Парни, стоящие посреди дороги, работали в бригаде Кадиева. Алексей Кадиев, он же Кадий, был уроженцем далекого северного города, где в прежние времена также имел собственную банду. Что-то Кадий натворил там, что именно – никто точно не знал. Но оказался он в крайне неприятной ситуации, настолько неприятной, что Кадия полдня до смерти оставалось. Его родной город был окружен плотным кольцом зон, а населен по большей части выходцами из них. Поэтому пришлось Алексею вместе с ближайшими друзьями срочно «делать ноги», да как можно дальше. Обосновавшись в Н-ске, он с удвоенным рвением взялся за прежнее ремесло. Рядовых боевиков набрали здесь же.

Среди ребят, стоявших на дороге, трое были из местных, а один – «старый кадиевец». В отличие от Грача с Малютой кадиевцы ехали не с работы, а пребывали в глухом загуле. По возвращении из очередного кабака сломалась машина. Чинить ее в пьяном виде да под дождем не представлялось возможным. Ребята решили ловить частника, однако шоссе словно вымерло. Под влиянием винных паров, промокнув до нитки, они отнюдь не испытывали любви к окружающему миру.

– Говорил же я вам, как нужно «возил» тормозить, – пробурчал старший из них, по кличке Енот, приметив остановившуюся машину.

– Мокнешь тут, мокнешь, а гадам до лампочки! Вот что. – Енота внезапно осенила, как ему показалось, «гениальная» идея. – Давай их вообще из тачки выкинем!

Это предложение вызвало у остальной компании бурный восторг.

Сказано – сделано.

– Эй, ты! – услышал Грач, который узнал кадиевских и уже хотел предложить их подвезти. – Выматывайся из машины, пока цел!

Тут нервы Грача, без того натянутые до предела, лопнули окончательно. Коротким боковым ударом, а был Грач профессиональным боксером, он снес челюсть Еноту. Тяжелое тело шлепнулось в грязь. Остальные бросились на Грача. Тогда из машины выскочил Малюта. Он прекрасно владел рукопашным боем. Вдвоем друзья быстро разделались с пьяными противниками, после чего, возмущенные столь беспрецедентной наглостью, как следует попинали ногами распростертые тела. Когда злость несколько утихла, они уселись в машину и укатили. Нужно было доложить шефу об успешно исполненном наказании обнаглевшего коммерсанта.

Сегодня Вячеслав Савицкий, по кличке Сава, по иронии злой судьбы также пребывал в омерзительном настроении. Он одиноко сидел у себя на кухне, глядя в окно. Жена выкинула очередной фортель и, визгливо причитая, в который раз убежала к теще, прихватив с собой ребенка. Перед этим Славику пришлось выслушивать обычный набор ругани:

– Бандит, урка... Дура я, что с тобой связалась... юность погубила... Посмотри на себя... кроме уголовщины, ни на что не способен.

Все это Оля выкрикивала, оживленно размахивая руками, сверкавшими золотом и бриллиантами, которые, кстати, были куплены на его, бандитские, деньги. Вообще, когда речь заходила о деньгах, жена не попрекала Славика работой, тратила их без зазрения совести, нимало не смущаясь, что они «нечистые». Но в других случаях никогда не упускала возможности изобразить «святую непорочность», ткнуть Грача носом в грязь, показать свое моральное превосходство.

За окном монотонно барабанил дождь. Сквозь запотевшее стекло виднелся глухой переулочек с высоким деревянным забором детского сада. Голова горела. Как всегда в таких случаях, зудел шрам на животе. Шраму было около года, но он постоянно напоминал о себе, чесался, ныл, иногда болью скручивало весь живот, откуда удалили значительную часть кишок. Момент, когда Савицкий открыл дверь, встречая друга, который, как казалось, пришел мириться, стал переломным в его жизни.

– Привет! – обрадовался он тогда. – Заходи!

Но цыган в ответ лишь хищно усмехнулся, и острая сталь разорвала тело. Славик успел вытолкнуть цыгана за дверь, хватило сил доползти до телефона, вызвать помощь. Три дня боролись врачи за его жизнь. Савицкий выжил, но на спорте, столь любимом с детства, пришлось поставить крест. Характер тоже изменился. Раньше добродушный, веселый – теперь он сделался мрачным, замкнутым, перестал доверять людям. Раскрываешь им объятия, а они тебе пером в бок.

Немного подумав, Савицкий достал из заглазника спичечный коробок с зеленоватым порошком. Выпотрошив «беломорину», перемешал наркотик с табаком, набил косяк. Последние месяцы он пристрастился к анаше. Она притупляла боль, успокаивала на время расшатанные нервы. Сейчас Славик с удовольствием бы напился, но не мог себе этого позволить. Во-первых, из-за покалеченного живота, во-вторых, из-за болтавшейся в сердечном мешочке малокалиберной пули. Здесь, к слову сказать, врачи были ни при чем, подвела собственная глупость. Когда Славику принесли кустарно сделанную ручку, стреляющую малокалиберным патроном, он почему-то ужасно обрадовался. Вертел ее, крутил, забавляясь, будто ребенок с новой игрушкой. Потом послышалось приглушенное «ба-х-х», и он потерял сознание. Очнулся в больнице. Пуля попала прямо в сердце, но не убила, и болталась там, словно горошина в погремушке.

От операции Савицкий отказался: болтается и болтается, есть не просит, начнут же оперировать – вовсе зарежут...

Сизый дым косяка жирными кольцами плавал по красиво отделанной кухне, освещенной красноватым светильником. Накануне свадьбы с Ольгой Славик сам ремонтировал квартиру, не доверяя никому обустройство своего семейного гнездышка. Дообустраивался!!! Не гнездышко нужно было готовить, а змеиную нору!

Жена забирала больше энергии, чем все зловерные конкуренты с ментами в придачу!

Вопреки ожиданиям, наркотик не успокоил, только подогрел клекотавшее внутри глухое раздражение. Савицкий прижался горячим лбом к холодному стеклу. Дождь шел не переставая, черный асфальт зловеще поблескивал в слабом свете уличного фонаря.

Послышался звонок в дверь. Пришли Малюта с Грачом.

– Наконец-то, – криво усмехнулся Славик, указывая ребятам на кожаный диванчик в углу. – Присаживайтесь, рассказывайте!

Внимательно выслушав, нахмурился.

– ОМОН, значит, сразу прилетел? Хм-м, с чего бы это так быстро?!

По правде сказать, омовцы оказались в том районе совершенно случайно. Ума и щедрости коммерсанта хватило только на обычную милицейскую охрану. Но, как мы уже говорили, за последние годы Савицкий стал чрезмерно подозрителен.

– Что за бизнесмен пошел! – продолжал кипятиться Славик. – Ни стыда, ни совести. Захапает чужие лавы и шлет всех куда подальше. А закон, видите ли, на его стороне. Попробуй получить у него свои кровные! Бандит! Рэкетир! Хватай его, бей прикладами. Пи-до-расы!!!

Нервно скомкав окурок косяка, он швырнул его на пол.

– Ладно, – немного успокоился Савицкий, – извините, братва, плохо мне сегодня, а вы – молодцы, хорошо поработали! Ну, что там у вас еще?

– Так-так, – по мере того, как Грач рассказывал об инциденте на дороге, Савицкий все больше хмурился. – Говоришь, они вас узнали? И все равно хотели забрать машину?! Так-так...

В душе Славика бушевал тайфун ярости. Кадиев давно ему не нравился: вызывали отвращение хитрые глаза, скользкие манеры, чрезмерная любовь к «мокрухе»³. Из-за таких, как он, беспредельщиков газеты вопят о невиданном разгуле преступности. Савицкий не любил крови, проливая ее в крайних случаях: защищая свою жизнь или из мести. Вурдалачьи повадки Кадия ему не нравились, да и упорные слухи об истинных причинах бегства из родного города выставляли личность Кадиева в малоприятном свете. До сих пор Славик с ним не сталкивался. Живет себе, и пусть живет. Главное, чтобы на нашу территорию не совался. Но, видать, обнаглел, падло! Решил, раз его тут не трогают, можно вести себя как заблагорассудится. Необходимо проучить наглеца!

– Значит, узнали вас, но намерений своих не оставили! – хрипло сказал Славик. Глаза его загорелись волчьим огнем. – Что вы им за это сделали?

Он внимательно выслушал длинное хвастливое повествование о разбитых мордах, выбитых зубах. Время от времени Славик одобрительно, как казалось, кивал, отчего Малюта с Грачом в конце концов расцвели, словно майские розы.

– Хоть не убили? – когда рассказ подошел к концу, поинтересовался он.

– Нет, что ты!

– Почему?!!

Столь резкая смена настроения шефа совершенно выбила ребят из колеи. Они что-то залепетали оправдательное, но Савицкий не слушал.

– Я научу эту сволочь уважать меня! Покажу, кто здесь хозяин! Обнаглели, пидоры, у моих людей, как у последних лохов, хотели машину забрать? Ненавижу!!!

Все раздражение, вся душевная боль и обида, накопившиеся внутри, вмиг выплеснулись наружу. Немалую роль сыграл также наркотик, отключивший все тормоза.

– В машину, живо! – зарычал Славик и первым ринулся к дверям.

Между тем кадиевцы, с трудом очухавшись, рассматривали свои увечья. Досталось им неплохо. Еноту сломали челюсть, другим пришлось расстаться с частью зубов, молодому Колюне перебили переносицу.

– Теперь ты настоящим боксером выглядишь! – уныло пошутил его приятель Витя, но никто не засмеялся. Окровавленные, перемазанные с головы до ног грязью, они представляли жалкое зрелище. Машин на дороге по-прежнему не было. Серая дождливая мгла засасывала в себя, создавала ощущение безысходности.

– Какого хрена мы борзели? – сплевывая кровь, сказал Витя. – Ведь сразу же увидели, что это Савицкого пацаны! – Ответа на данный вопрос не нашлось. Остальные сами не понимали, почему так получилось. Обе банды жили в мире, не дружили, но и не ссорились. Оче-

³ К убийствам.

видно, виной всему были хмель да плохая погода. Енот потрогал сломанную челюсть и слабо охнул. Теперь как пить дать целый месяц придется манной кашкой питаться! Впрочем, обижаться не на кого. Сами виноваты. Действительно маразм – пытаться отнять машину у своего коллеги-бандита!

Послышался рев мотора, и черный «БМВ» Савицкого резко затормозил рядом, окатив всех мокрой грязью. Первым из машины выбрался Славик, поигрывающий тяжелой резиновой дубинкой. Следом вышли Грач с Малютой.

– Оборзели, падлы! – прошипел Славик, с ненавистью разглядывая кадиевских. – Забыли, кто хозяин в районе! Думаете, Савицкий добрый, на голову срать позволит?!

Енот попытался объяснить, но мешала сломанная челюсть. Вместо слов у него вырывались только хрип и бульканье. Впрочем, Славик не собирался выслушивать оправданий. Гнев затуманил голову. «Лохом считают, обнаглели», – металась в голове яростная мысль.

– Что хрипишь, педрила?! – обернулся он к Еноту. – Хочешь, опетушим зараз?!

Здесь он явно перебарщивал, за подобное оскорбление можно было жестоко поплатиться. Однако в настоящий момент Савицкому было глубоко наплевать на все и вся.

– Ответишь за базар! – переборов боль в челюсти, злобно прохрипел Енот.

– Что? Это говно рот разевает?

«Хлесь» – резиновая дубинка вонзилась в лицо Енота, превращая его в кровавую кашу. «Хрясь» – и ключица треснула, словно сухая ветка. «Бам-м» – третий удар в висок погрузил бандита в пучину беспомощности. В это время Малюта с Грачем обрабатывали остальных. Колюня, еще раньше получивший сотрясение мозга, отключился сразу, выпав таким образом из поля зрения карателей. Больше всех перепало Вите, пытавшемуся сопротивляться. Рассвирепевший Грач лупил его, словно тренировочную грушу, вкладывая в удары всю злобу, накопившуюся за последние дни. Брызгала кровь, трескали, ломаясь, ребра. Витя давно потерял сознание, но упасть не мог, поскольку был плотно прижат к бетонному забору заброшенного заводика. Наконец Грач, осознав, что лупит бесчувственное тело, отошел в сторону. Его жертва бесформенной грудой обрушилась в грязь. В это время Малюта, так же, как и его товарищи, потерявший голову от бешенства, бил доставшегося на его долю кадиевца лицом о капот машины.

– Все, хватит! – резко крикнул Славик. Он опомнился первым и теперь с отвращением созерцал дело рук своих.

– Ну ты же хотел убить? – удивился тугодумистый Грач.

– Дурак, шуток не понимаешь! Посмотри лучше, как они там!

Добросовестный Малюта внимательно оглядел поверженных противников, пощупал пульс.

– Все живы, – бесстрастно доложил он, – но двое в очень плохом состоянии.

– Понятно! – нахмурился Савицкий, забрался в машину и по радиотелефону вызвал «Скорую помощь». Когда на горизонте появились слабые огни санитарной машины, черный «БМВ» бесследно скрылся в ближайшем переулке.

– О Боже, мальчики, кто вас так изувечил? – испуганно причитала хорошенькая медсестра в приемном покое больницы.

Енот с трудом разлепил заплывшие глаза и криво усмехнулся одной стороной рта.

– Собаки дикие покусали, – прохрипел он, теряя сознание.

Глава 2

Алексей Кадиев расслаблялся. Как следует пропотев в парилке и искупавшись в бассейне, он лежал сейчас на кожаном диване в комнате отдыха, и крашенная под блондинку проститутка усердно делала ему минет. В одной руке Кадий держал сигарету, в другой – банку пива. Глоток – затяжка, глоток – затяжка.

– Активнее языком, – подбодрил он девицу, – а то я до утра не кончу!

Тяжело дыша, девица постаралась ускорить процесс.

В этот вечер она обслуживала уже шестого клиента и здорово устала. Язык, от которого требовали «активности», словно налился свинцом. Однако, зная характер Алексея, она даже не пыталась возмущаться. Только пикни – затушит окурочек о грудь и выгонит голой на улицу. Такое однажды было с ее подружкой.

Кадий обвел глазами помещение. Всего проституток пришло трое. Одну утащил в бассейн Валера, вторую трахал Седой, третья была с ним. Глядя на Седого, Кадий вдруг захотел именно его бабу. Такая уж у Алексея была натура, свое никогда не устраивало, зато чужое (до тех пор, пока не стало своим) казалось на редкость привлекательным. Вот и сейчас он с завистью смотрел на широко раздвинутые, поднятые вверх ноги девушки, которые непроизвольно дергались в такт движениям партнера.

Седому досталась худая, Кадия – с пышными формами. Поэтому в настоящий момент он желал именно худую, хоть, получишь наоборот, – захотел бы непременно пышную.

– Слышь, Седой, давай махнемся! – предложил он товарищу. Тот не стал возражать, ему было все равно, кого трахать.

Молча кивнув, он отдал свою девицу и навалился на предложенную взамен.

Кадий поставил девушку на колени, нажимом руки прогнул спину и с силой вогнал ей член в задний проход. Девушка закричала от боли. Кадиев довольно улыбнулся. Он любил причинять боль, в том числе во время полового акта. По сути дела, Алексей являлся обыкновенным садистом, хотя не сознавал этого. Болезненные стоны девчонки усиливали возбуждение. Оргазм наступил быстро. Оттолкнув в сторону всхлипывающую проститутку, Алексей направился к бассейну. Собственно, в сауне их было два: большой и маленький. Большой, с теплой водой, чтобы покупаться в свое удовольствие, маленький, с ледяной, – освежиться после парилки.

В большом бассейне Валера старательно трахал свою девицу. То ли с перепоя, то ли от усталости она отключилась. Голова безвольно болталась из стороны в сторону, время от времени скрываясь под водой.

– Смотри, чтобы не захлебнулась, – лениво посоветовал Кадий. – Потом хлопот не оберешься!

– Ничего с ней не сделается, – огрызнулся Валера. – Дай кончить, не мешай!

Пожав плечами, Алексей зашел в парилку. Плеснул на раскаленные камни ковшик разбавленной пивом воды и забрался на верхнюю полку, с наслаждением вдыхая запах хмеля. На коже мелкими бисеринками начал проступать пот. Тело расслабилось. Кадий подумал, что неделя прошла удачно. Во-первых, две новые тачки прикрутили⁴, подкупили нужного мента, а самое главное, пришили Корейца. Кореец являлся земляком Кадия, самым опасным из его бывших врагов. Нет, среди них были, конечно, ребята посерьезнее, но, как говорится, иных уж нет, а те далече. (Надо сказать, что Кадий хорошо усвоил школьную программу, чуть ли не отличником считался.)

⁴ Заставили коммерсантов выплачивать банде дань.

Кто-то умер, кого-то посадили. Из «воров», приговоривших его к смерти, остался один Кореец. До сих пор Кадий жил словно на вулкане, каждую минуту готовясь увидеть блеск ножа или услышать грохот выстрела. Но далекие северные «воры», вопреки обыкновению, проявили непростительную беспечность: «Смотался, падло, ну и пес с ним, когда-нибудь разыщем, а сейчас других дел хватает, более насущных». Правильно говорят, измельчали «воры», обленились, зажрались! Пока «воры» занимались «более насущными проблемами» – Кадий не дремал. Трех уничтожили посланные им киллеры, двое ухитрились сесть в тюрьму, а Кореец, наконец сообразивший, откуда ветер дует, отправил в Н-ск боевиков, приводить в исполнение давно вынесенный приговор. Боевики домой не вернулись, а Кореяца застрелили в упор, когда под руку с любовницей он выходил из ресторана. Теперь Алексей мог спать спокойно. При этой мысли он довольно потер ладони. Пока Кадий размышлял – тело хорошо прогрелось, из раскрывшихся пор обильно потек пот. Выскочив наружу, Алексей с радостным визгом плюхнулся в ледяной бассейн. Затем на мгновение зашел в парилку, чуть-чуть отогреться, чтобы не прихватить проклятый радикулит, и вышел снова.

Валера, наконец достигший желаемого результата, сидел на краю большого бассейна, посасывая пиво из банки. Девица, которая все же не утонула, стояла рядом с ним на четвереньках, мучительно отхаркивая залившуюся в легкие воду.

– Ну ты, сука, пол не пакости! – резко окликнул ее Кадий. – И вообще валите отсюда, сеанс закончен. Деньги получите у Седого.

Избавившись от надоевших шлюх, вся троица уютно устроилась в комнате отдыха за накрытым столом. Банщик Василий постарался на славу. В ведерке со льдом нежились три бутылки русской водки «экспортного варианта», рядом выстроились запотевшие банки пива, манили к себе щедро нарезанные ломти семги, на двух блюдах чернела и пламенела икра разных сортов (кто какую больше любит). Шашлык из молодого барашка источал восхитительный аромат.

– Давай, братва, по первой, – сказал Кадиев, разливая водку в стаканы, – за упокой души нашего кореша – Кореяца. Гы-гы-гы...

В больнице первым пришел в себя Колюня, который пострадал меньше других. Поначалу он не сразу уяснил, где находится. Дико болела голова, перед глазами вспыхивали оранжевые искры. В помещении, куда он попал, было темно. Кряхтя и охая, парень сел на жалобно скрипнувшую койку. Когда глаза привыкли к темноте, он понял, что это больничная палата. На соседних кроватях храпели, стонали и рычали во сне человек семь больных. Воздух был густо насыщен тяжелым запахом лекарств, несвежего белья, а также еще чем-то на редкость неприятным. Некоторое время он сидел, припоминая случившееся, но мысли путались, воспоминания были какие-то отрывочные, неполные. Вот они гуляют в кабаке, пьют коньяк, горланят песни. Енот кидает крупные купюры оркестру, заказывает «Таганку». Затем он же, пригорюнившись, вспоминает зону, кореша Петьку, умершего от туберкулеза в лагерной больничке. Все четверо ругаются в полный голос, проклиная подлых ментов. Какой-то чудаковатый в очках делает им замечание (откуда взялся, народ теперь тише воды, ниже травы). Обнаглевшего очкарика выводят в туалет, дают раз по очкам, суют носом в унитаз, – при этом воспоминании Колюня тихо засмеялся. Униженный очкарик жалобно просит прощения: оказывается, он хотел показать себя мужчиной перед женой. Развеселившиеся бандиты великодушно его милуют, наградив на прощание смачным пинком под зад. Затем Колюня танцует с подвыпившей девицей в короткой юбке, шарит у нее под блузкой. Девица хихикает. Ее ухажер делает вид, будто ничего не замечает, и заливает тоску водкой. Девица оказывается явной потаскухой. Колюня выводит ее на улицу и трахает прямо в машине. На прощание дает двадцать долларов. Довольна? Теперь проваливай, шалава! Снова зал ресторана. Окосевший Витя блюет на пол. Халдеи благоразумно помалкивают, боятся, гады! Так, теперь все садятся в машину, едут домой. Мотор

ломается. Пьяный Енот пытается починить, но без толку! Единодушно решают ловить частника. Дороги пустынные, ребята постепенно звереют. Наконец появляется какая-то тачка. Разъяренный Енот предлагает забрать машину себе, а лохов выкинуть. Пусть помокнут, как они до этого! Дальше... А дальше – словно отрезало, сплошной мрак, озаряемый вспышками боли...

Внезапно Колюня почувствовал, что безумно хочет курить. Пошатываясь на ватных ногах, он выбрался из палаты. Дежурная медсестра спала, уткнувшись носом в стол и как-то странно похрапывая. Полуосвещенный коридор был безлюден, но из курилки, расположенной в дальнем его конце, доносились приглушенные мужские голоса, тянуло манящим запахом табачного дыма. Держась за стены, Колюня побрел туда. Мужчин в курилке оказалось трое: старик на костылях с загипсованной ногой, коренастый работяга с мозолистыми руками и худой очкастый парень, очень похожий на студента.

– Эк тебя, сынок! – поразился старик. – Ты что, с крыши упал?

– С самолета, – буркнул Колюня.

Все засмеялись.

– Закуривай! – радушно предложил работяга, протягивая пачку «Астры».

Колюня предпочитал «Мальборо», но дареному коню в зубы не смотрят, тем более что своих не было, остались в машине. Сухо поблагодарив, он взял сигарету, присел на лавочку в углу. Вонючий едкий дым обжег горло и легкие. Парень закашлялся, но все равно продолжал жадно затягиваться. Голова немного прояснилась. Стали вспоминаться подробности: огромный кулак, врезающийся в переносицу, падение в грязь. Унылая шутка Витька насчет внешности настоящего боксера. Зловещий черный «БМВ», вынырнувший из темноты. Разъяренный Савицкий с горящими, будто у тигра, глазами. Резиновая дубинка, разбивающая лицо Енота. Ринувшийся на него, Колюню, мордоворот – Малюта, кажется, его кликуха! Резкий удар, боль, темнота. Все ясно!

– Мужики, не знаете, где остальные ребята, с которыми меня привезли? – спросил он.

– Двое в реанимации, очень плохи, – ответил «студент». – Если ты упал с самолета, то они не иначе как со спутника. Третий, постарше, в десятой палате вместе со мной.

– Проводи меня к нему, – попросил Колюня.

– Ладно, докурю вот только.

Енот чувствовал себя отвратительно. Ныла сломанная челюсть, гудела голова, забинтованная почти целиком, так что оставались лишь щелки для глаз и рта. Переломанный нос не дышал, поэтому он не чувствовал противного больничного запаха. Но, помимо запаха, имелось немало других проблем: в ушах стоял непрерывный колокольный звон, к горлу то и дело подкатывала тошнота. Енот, в отличие от Колюни не страдавший потерей памяти, напряженно размышлял, и чем больше он это делал, тем поганее становилось на душе. По сути, первоначальным виновником случившегося был он сам: нарушил нейтралитет между двумя бандами, хотел забрать у пацанов машину, хотя сразу понял – кто они. Если будет разборка – Енот крайним окажется. Он зябко поежился. Быть крайним при столкновении двух сильных банд – одна из самых неприятных вещей, которая может случиться с человеком. Получишь и от тех, и от этих, хорошо еще, если живым оставят. С другой стороны, Савицкий тоже беспредельничал. Ну, дали сгоряча в морду, и хватит, никто бы потом слова не сказал. Так нет, еще раз вернулись, чтобы поглумиться, втоптать в грязь. Славик педрилой обозвал, обещал опетушить⁵. Интересно, что Кадий по этому поводу скажет?

Енот увидел склонившийся над ним темный силуэт, в котором с трудом распознал Колюню. Лицо пацана раздулось и покрылось багровыми кровоподтеками, нос превратился в лепешку.

– Что тебе? – прохрипел Енот. – Где остальные?

⁵ Это самое сильное оскорбление для уголовника.

– Витька с Лехой в реанимации, говорят, очень плохи. Я пришел спросить, что делать? Енот некоторое время размышлял.

– Дозвонись до Кадия, – наконец промолвил он. – Расскажи все как было: остановили машину ребят Савицкого, я их не узнал в темноте, думал, обычные лохи. Они же сразу в драку. Потом вернулись, добили. Мы были в лоскуты пьяные, какие из нас бойцы?! Скажи, двое ребят в реанимации, а Савицкий педрилами обзывал, грозился опетушить. Все понял? Давай!

Енот прикрыл глаза. Хорошо он все-таки придумал. Маленькая, совершенно незаметная добавка лжиставляла случившееся в совершенно ином свете.

Колюня добрал до телефона, расположенного на столике дежурной медсестры. Она к этому времени проснулась и сладко потягивалась, похрустывая суставами. Медсестра была средних лет и средней внешности, не сказать, что урод, но далеко не красавица. Единственным ее достоинством являлась высокая упругая грудь, буквально распиравшая тесный халатик.

– Можно позвонить? – хрипло попросил Колюня.

– Не положено! – автоматически ответила медсестра, зевая во весь рот.

– Ну, пожалуйста, солнышко!

Женщина с интересом посмотрела на парня. Лицо изуродовано, на бритой голове повязка: очевидно, кожа рассечена при падении. Но фигура! Рост под метр девяносто, литые мышцы, которые не могла скрыть даже выдавшая виды больничная пижама. Три верхние пуговицы расстегнулись, обнажая загорелую мускулистую грудь.

Света, так звали медсестру, уже три года как развелась с мужем. Имела, конечно, любовников время от времени, но нормальные мужики попадались редко. Большею частью всякая пьянь. Водку жрать горазды, а дойдет до дела – никуда не годятся. Она ощутила зудящий жар внизу живота.

– Пожалуйста, кисонька, очень нужно! – льстиво повторил Колюня.

– Ладно, звони, только аккуратно, чтобы дежурный врач не заметил.

Колюня не заставил себя долго упрашивать. Набрав номер Кадия, он напряженно вслушивался в длинные гудки. К телефону никто не подходил. Наверное, нет дома. Обзвонив нескольких друзей, парень наконец узнал, что Алексей зависает в сауне. Кадий снял трубку только после двадцатого гудка.

– Ну чего тебе, – ворчливо спросил он, – не спится?

Колюня вкратце рассказал о недавних событиях. Выслушав, Кадиев долго молчал.

– Так! – наконец яростно прошипел он. – Я предвидел, что подобное когда-нибудь случится. Ладно, разберемся! Иди, отдыхай. – В трубке послышались короткие гудки.

Света не слушала их разговор, думая о своем. Ей очень не хотелось, чтобы аполлонистый парень уходил.

– Бедненький, как тебе досталось! – ласково пропела она, придерживая Колюню за рукав пижамы. – Нужно расслабиться?

– А? Что? – машинально спросил Колюня, размышлявший в этот момент о своих проблемах.

– Спирту неплохо выпить! Боль оттянет!

– Где ж его взять?!

– У меня есть немного, – хихикнула медсестра.

Колюня критически оглядел женщину: ни то ни се, но, как говорится, на безрыбье и рак рыба.

– Ладно, – согласился он. – Пошли!

В подсобном помещении, куда Света сноровисто притащила полбутылки чистого медицинского спирта, нехитрую закуску и сигареты с фильтром, они уютно устроились на сваленных в углу матрасах. Глотнув полстакана и зажевав соленым огурцом, Колюня с наслаждением курил сигарету, чувствуя, что действительно расслабляется. Рядом вздымалась часто дышащая

упругая Светина грудь. «Она вполне ничего», – подумал охмелевший парень, запуская руку под халатик и расстегивая лифчик...

В то время, когда Колюня развлекался в подсобке с медсестрой, Кадий метался по сауне, изрыгая яростную брань. Такой день испорчен! Только избавились от проклятого Корейца, выпили, посмеиваясь, за упокой его души, и на тебе, новые проблемы! Савицкий Кадия давно не нравился, вызывали зависть его авторитет, широкая сеть точек, любовь молодежи района, которой Славик добился своей справедливостью, добродушным, незлобивым характером. К нему часто приходили за советом, за помощью. Он никого не отталкивал, начитался «Крестного отца», придурок? Понюхал бы ты зону, пожрал лагерной баланды, как Кадий в свое время! Не отсидев ни минуты, его людей пидорасами называет!

Алексей остановился около стола, налил стакан водки и залпом выпил. Закусывать не стал. Затем, не находя выхода душившей злобе, яростно треснул кулаком по столу. Оба товарища удивленно главели на Алексея, но вопросов не задавали, ожидая, пока шеф успокоится.

Наконец Кадиев опомнился настолько, что смог более или менее связно поведать о случившемся.

– Ну, – спросил он, – что посоветуете предпринять?

– Надо помириться с Савицким, – хмуро сказал Седой. – Война нам сейчас ни к чему.

– Понятно, – процедил сквозь зубы Алексей и повернулся к Валере, – ты что скажешь?

– Думаю, Седой прав, война не нужна! У Славки больше людей, а наши в конце концов сами навалились!

– Идиоты, – тихо, почти ласково охарактеризовал приятелей Кадий. – Бараны безмозглые! Наши, значит, сами навалились! Енот говорит, что не узнал пацанов Савицкого, думал, обычные лохи. Врет? Ладно, пускай врет! Хотя, может, спьяну действительно не въехал. Но те, те-то не были пьяны! Савицкий с тех пор, как ему брюхо порезали, вообще не пьет! Однако вернулись второй раз, добились. Двое пацанов в реанимации, у Енота морда – сплошное месиво. Вот ты, Седой, сидел восемь лет, знаешь «понятия». Что будешь делать, если тебя пидором обзовут?

– Убью!!!

– Правильно!!! Савицкий Енота педрилой назвал, обещал на четыре точки поставить! Как тебе это нравится? Молчишь? Ну и молчи! Славка здорово обнаглел, ни с кем не считается, мнит себя хозяином района, королем! Положим, мы спустим дело на тормозах, замнем. Что тогда? А тогда будет вот что: этот Северный район – большая деревня. Слухи разносятся со скоростью света, обрастая по дороге красочными подробностями. Местные станут говорить: кадиевские говно, их бьют все кому не лень, одного даже опетушили и т. д., и т. п.

Валера с Седым подавленно молчали.

– Дальше – больше, – продолжал Кадий, – бригада теряет авторитет, барыги обнаглеют, перестанут платить, останемся мы, братцы, с голыми задницами. Придется опять куда-нибудь перебираться. Хорошая перспектива!

Кадиев на время замолчал, налил водки, выпил залпом, закурил сигарету.

– Какие теперь будут предложения? – равнодушно спросил он, выпуская кольца дыма.

– Славку придется убрать, – хмуро сказал Валера.

– Наконец-то дошло!!! Лучше поздно, чем никогда. Теперь, пока не напились, давайте обсудим план действий.

И все трое склонились над столом, оживленно беседуя вполголоса.

Глава 3

На следующее утро Вячеслав Савицкий проснулся от острой боли в области сердца. Проклятая пуля давала о себе знать, к тому же зря он накануне так много выкурил анаши. «Анаша-анаша, до чего ты хороша, – без тебя, анаша, по утрам болит душа», – вспомнились слова популярной песенки. Да уж, хороша, нечего сказать! Наломал вчера дров. Именно проклятый косяк подтолкнул добивать кадиевских. Ольга тоже поспособствовала, истрепала нервы, стерва! Сегодня Славик трезвым умом понимал, что явно перестарался. Не нужно было ехать второй раз забивать ребят до полусмерти! Дали в морду – и хватит. Тогда бы при любом раскладе его пацаны считались правыми. А теперь?

Могут обвинить в беспределе, тем паче что Савицкий весьма неосторожно бросался словами, обозвал Енота пидором. Позвонить Кадиеву? Помириться? Ну уж нет. Во-первых, с этой сволочью вообще неприятно разговаривать, во-вторых, слухи пойдут: Савицкий Кадия обосрал, приполз просить прощения! И главное, у кого? У ублюдка, который, удирая из родного города, едва штаны не потерял от поспешности!

Конечно, Кадий вряд ли оставит инцидент без последствий. Выходит, война?! «Ну и пусть, пусть будет война, – в ярости подумал Славик. – Если победим – прекрасно, нет... Что ж, все мы смертные, к тому же надоело все вокруг, хоть волком вой! И не сейчас, давно уже. Тащился по жизни, едва передвигая ноги. Разные высоколобые называют подобное состояние «синдромом усталости» или «вирусом усталости». А, один черт! Жил, чтобы семью обеспечить. Ну, куда этой инфантильной дуре деваться в нынешнее время? На что она годна? Разве только в проститутки! Хрен с ним, будь что будет», – махнув рукой, Савицкий отправился на кухню готовить завтрак. Есть не хотелось, поэтому он решил ограничиться чаем. Послышалось утробное урчание, и в кухне появился с несчастным видом кот Марсик, страдавший от лени, скуки и избыточного веса. Ради приличия ткнувшись носом в ногу, кот вяло мяукнул, давая понять, что не прочь подкрепиться.

– Куда тебе жрать, прорва! – добродушно упрекнул Слава, но все же достал из холодильника кусок говяжьей вырезки. – Лопай, обжора!

Неторопливо обнюхав угощение, кот вопросительно посмотрел на хозяина, понял по взгляду, что «райских птиц» сегодня не предвидится, и принялся неторопливо жевать. С трудом доев завтрак, Марсик хотел было вернуться в комнату, на мягкое кресло, где в полудреме проводил большую часть своей жизни, но почувствовал, что не может этого сделать. Тогда он свалился прямо посреди кухни пузом вверх, дожидаясь, пока переварится пища.

Савицкий неторопливо прихлебывал ароматный индийский чай без сахара, с усмешкой наблюдая за котом.

Послышался звонок в дверь. Пришел Виталик Буйнов, один из рядовых боевиков Савицкого.

– Привет, проходи, – радушно пригласил Славик. В отличие от некоторых других главарей банд он никогда не надувался спесью. Зачем зря обижать людей? Другое дело, если провинятся. Тогда держитесь, а лучше сразу вешайтесь. Если же все в порядке – «Привет, братишка, как дела?»

– Присаживайся, – предложил Савицкий, указывая на стул. – Чаю хочешь?

– Нет, спасибо!

– Что-нибудь стряслось? Рассказывай! – внутренне похолодел Славик. «Неужели опять проклятый Кадий?!» Но на этот раз Кадиев оказался ни при чем.

Вчера вечером, возвращаясь домой, Виталик зашел в небольшой ресторанчик перекусить. Его не смутило, что заведение принадлежало кавказцам, обнаглевшим за последнее время сверх всякой меры. Ресторанчик был до отказа забит «черными» джигитами, оживленно

и громко переговаривавшимися на родном языке. Несколько случайных русских чувствовали себя здесь явно не в своей тарелке. Сделав заказ, Виталик закурил сигарету, дожидаясь, когда принесут еду. Но официант не торопился. Прождав полчаса, Виталик решил выяснить, в чем дело.

– Слюшай, да? Сэйчас будэт! Падажды мынута! Выдышь, сколько народа? – вальяжно ответил метрдотель.

Вернувшись на место, Виталик обнаружил, что стул его исчез, вернее, перекочевал к соседнему столу, за которым веселилась очередная компания «детей гор». В настоящий момент на Виталином стуле восседала местная шалава, визгливо хихикавшая в ответ на сальные шутки джигитов.

Виталик направился к ним.

– Ребята, вы, наверное, ошиблись, – вежливо сказал он, – это мой стул!

Девушка тут же вскочила на ноги, безропотно возвратив требуемое.

Вернувшись к своему столу, Виталик хотел было уже сесть, как вдруг кто-то сзади выбил из-под него ногой стул, а когда он поднялся, то получил удар кулаком в лицо, на который незамедлительно ответил. Налетела толпа джигитов, и Виталику изрядно помяли бока, причем он тоже в долгу не остался. Когда ссора утихла, ставший яблоком раздора злополучный стул снова оказался во владении шалавы, а из кармана Виталика исчез газовый пистолет, которым он в драке не воспользовался. Гадко пускать слезоточивый газ в замкнутом помещении – еще сам наглотаешься!

– Верните газовик! – спокойно сказал Виталик джигитам.

– Вах, вах, какой газовик, нэ знаэм никакой газавык! – нагло улыбаясь, ответили те.

– У меня лежал в кармане газовый пистолет, после драки он исчез. Прошу по-хорошему, отдайте!

– Ты, навэрна, ыво спьяну потырал! – осклабился самый здоровый из кавказцев, с нахальными круглыми глазами, напоминающими маслины.

– Вы слышали про Северный район? – по-прежнему хладнокровно спросил Виталик.

– Слушай, не надо пугать, морда быть будем!!! – наперебой заговорили кавказцы.

– Хорошо, как хотите, завтра ждите гостей! – Резко повернувшись, он вышел на улицу. Вслед неслись раскаты издевательского хохота.

– Так, – заскрипел зубами Савицкий, – обнаглели чурбаны. Хозяевами себя почувствовали, обормоты! Значит, сказал про Северный район? Правильно, впредь будут знать!

С воодушевлением истинного стратега Славик принялся разрабатывать план карательной экспедиции, которую решил возглавить лично. Для начала он обзвонил шестерых ребят, занимавшихся в банде ключевые посты. Когда все собрались, Савицкий вкратце изложил суть дела.

– Давить черномазых, башки откручивать, – дружно загалдела возмущенная братва. – Едем прямо сейчас.

– Не гоните коней, – остудил их пыл Слава. – Я знаю этот кабак, там через два дома отделение милиции, действовать надо с умом.

– Мирон, – обратился он к низкорослому рыжему парню с круглым лицом, густо усыпанным веснушками, – собери малолеток и наведи шухер на местном рынке, чтобы ни одного черного не осталось. Только не переусердствуйте, трупов не надо!

Кивнув в знак согласия, Мирон молча вышел. Для начала Савицкий послал в ресторан разведку, чтобы досконально изучить предстоящий театр военных действий. Для этой цели он выбрал из числа собравшихся Кирилла как обладателя наименее зверской физиономии. С глубоким воодушевлением все принялись обряжать его лохом. В первую очередь Кирилла переодели: вместо любимой кожанки и слаксов он скрепя сердце облачился в свадебный костюм Савицкого, затем Славик, несмотря на отчаянное сопротивление, нацепил ему на нос очки с простыми стеклами и критическим взглядом оглядел результат своих трудов.

– Гм, неплохо, – выдал он наконец, – немного ссутулся, сделай испуганную морду. Хорошо, сойдет!

В ожидании результатов разведки все расселись вокруг стола, пустили по кругу косяк. Не теряя даром времени, Савицкий рассказал о вчерашних событиях. Реакция была почти единодушной: давно надо было замочить⁶ гадов! Кадий вконец обурел! Выкинуть падлу из нашего города!

Иное мнение высказал только Юра Воронов, известный своей осторожностью.

– Кадий, конечно, сволочь, – сказал он, когда страсти несколько поутихли, – но сволочь опасная, мстительная. О примирении, я полагаю, не может быть речи, поэтому нужно держаться настороже. На открытую войну он сейчас вряд ли пойдет, однако вполне может выстрелить из-за угла. Тебе, Слава, теперь придется глядеть в оба.

Ребята было накинулись на Юру, обвиняя в паникерстве, но Слава резко оборвал их:

– Ворон дело говорит – от Кадия можно ждать любой пакости. Будем осторожны, не только я, все!

Тем временем вернулся из разведки Кирилл.

– Значит, так, у ресторана два выхода, у бармена за стойкой телефон, – рассказывал он, с наслаждением переодеваясь в свою одежду. – Есть подсобное помещение. Что там – неизвестно. Посетителей ползала. Все черные. За отдельным столиком три мордоворота, ничего не едят, не пьют. Под одеждой у них, похоже, волюны⁷. Вероятно, предупреждение Виталика подействовало. Напротив через дорогу другой кабак, тоже «черный». Там еще пять подозрительных жлобов. Между двумя кабаками, которые, судя по всему, принадлежат одному хозяину, курсирует мелкий «чурка». Вот и все. Ах, да! Если исходить из худшего, в подсобке может затаиться хмырь с автоматом.

Савицкий задумался: «Чурбаны явно нас ждут, разработали свой план, на который мы бы и попались, если б были малолетними идиотами. Трое за столом принимают на себя первый удар или, что вернее всего, начинают разводить базар⁸. Телефон у бармена наверняка спаренный. Он слегка стучит по трубке, в соседнем здании слышат сигнал. В спину нам заходят пять жлобов, под дулами автоматов кладут всех на пол и на распростертых телах танцуют лезгинку с криками: «Ас-са!» Гениально придумано! Эх, ослы, ослы! Не знаете вы, с кем имеете дело!!!»

Савицкий громко рассмеялся:

– Вот что, ребята, действовать будем так.

В то время, когда Слава разрабатывал план нападения на кавказский ресторан, Мирон с группой бандитов приклатненного молодняка вершил возмездие на рынке. Сегодня была суббота. Рынок кишел покупателями и продавцами, среди которых добрую треть составляли «черные». Они держались важно, самоуверенно, заламывали за свой, надо сказать, очень качественный товар дикие цены. Вдоль рынка выстроилась цепь коммерческих палаток, около которых тусовались опухшие алкаши в бессмысленной надежде, что у кого-нибудь из приятелей найдется на бутылку. Мирон пересчитал своих подопечных. Шесть человек – не густо! «Ничего, – подумал он, – воюют не числом, а умением».

Для начала Мирон направился к большой зеленой палатке, хозяин которой платил за «крышу»⁹ Савицкому.

– Привет, Леночка, как идет торговля? – приветливо поздоровался он с хорошенькой продавщицей.

– А-а, – махнула та рукой, – какая может быть торговля, одна пьянь голозадая кругом.

⁶ Убить.

⁷ Оружие.

⁸ Вступают в переговоры.

⁹ За защиту.

– Как тебе не стыдно, Лена?! – театрально возмутился Мирон, намеренно повышая голос, чтобы слышали алкаши. – Это ж наши люди, русские.

В глазах измученных похмельем мужиков загорелась надежда.

– Вот что, милашка, – обернулся Мирон к продавщице. – Дай сюда ящик водки и пятнадцать стаканов. Запишешь на Славкин счет!

Равнодушно пожав плечами, Лена исполнила требуемое.

– Угощайтесь, ребята! – великодушно предложил Мирон и, не слушая благодарностей, двинулся к торговым рядам. По дороге он подмигнул своим пацанам: «Пора приступить к намеченному плану».

Первой жертвой он выбрал толстого носатого азербайджанца, важно восседавшего на перевернутом ящике. Перед ним высилась гора спелых помидоров. В кармане хрустела внушительная пачка денег.

– Простите, сколько стоят помидоры? – робко спросила бедно одетая женщина средних лет и, услышав ответ, всплеснула руками: – Боже, какой ужас!

– Нэту дэнэг, да? Ты ныщый? Тада нэ ходы на рынок! – громко ответил торгаш. Женщина залилась пунцовой краской. Казалось, она вот-вот заплачет. Но тут в дело вмешался Мирон:

– Ты что, черножопый, наших женщин обижаешь?! Езжай к себе домой, там наглеть будешь!

Азербайджанец изумленно разинул рот и вскочил на ноги, а Мирон тем временем сгреб с прилавка как минимум килограммов пять помидоров и запихал их растерявшейся женщине в сумку.

– Грабунт! – опомнился наконец торгаш, и в этот момент Мирон изо всех сил врезал ему в челюсть. Толстяк плюхнулся задом прямо на асфальт, а один из Мироновых ребят разломал об его голову деревянный ящик, только что служивший торговцу сиденьем.

Остальные пацаны двинулись вдоль рядов, переворачивая лотки с товаром южных гостей и лупя продавцов чем попало.

– Люди! Чурки русских бьют! – завопил Мирон на весь рынок, хотя в действительности дело обстояло совсем наоборот. – На помощь!

Призыв не остался без внимания. Первыми на него откликнулись опохмелившиеся пьянчуги, быстро сообразившие, что у «черных» есть чем поживиться. Они-то и составили ядро возмущенных народных масс. Постепенно драка сделалась всеобщей. Скоро в ней уже принимали участие продавцы других национальностей, недолюбливавшие наглых, заносчивых южан. Кавказцев били ящиками, подносами, выломанными из забора штакетинами, даже арбузы об головы раскалывали. Кое-кто по ходу дела отнимал деньги. Доселе мирный рынок напомнил теперь побоище, какие случаются между болельщиками соперничающих команд американского футбола.

Убедившись, что все идет как надо, Мирон быстро собрал своих.

– Теперь линяем по-тихому, братва, – сказал он, – сейчас мусора нагрянут.

Мирон оказался прав. Едва они успели отъехать, на рыночную площадь ворвалось пять милицеских машин, воющих сиренами и сверкающих мигалками.

В это самое время к злополучному кавказскому ресторану тихо подъехали три битком набитые машины во главе с черным «БМВ» Савицкого. Из них высыпали пятнадцать ребят. Роли были заранее распределены. Двое пацанов ринулись к черному ходу, трое, получившие инструкцию всех впускать, но никого не выпускать, стали у парадного, остальные вошли внутрь. Слава вытащил из-под плаща автомат «узи» и навел на опешившую публику. Его боевики тоже не дремали: один бросился в подсобку, где, вопреки ожиданиям, вместо автоматчика оказалась только насмерть перепуганная посудомойка, другой перерезал ножом телефонный провод, третий, наставив на отдельно сидевших мордovorотов автомат, скомандовал: «Руки на стол!», четвертый обыскал их, с удовлетворением обнаружил два «макарова» и один «ТТ».

Остальные блокировали столики, за которыми сидели кавказцы. Посреди зала остались Слава с Виталиком. Все эти события происходили в одно и то же время. Никто даже опомниться не успел.

– Так-так! – ехидно пропел Савицкий. – Пересрали, черножопые?! Думаете, в России можно борзеть как угодно?!

– Слюшай, пагады, брат, – льстиво начал столь надменный вчера метрдотель, но вместо ответа Слава резко ударил его кулаком в лицо.

– Какой ты мне брат, падлю?! Засунь язык в жопу!

– Вчера здесь обидели моего парня! – обратился он к остальным. – Человек ничего плохого вам не сделал, даже после того, как на него напали, пытался объясниться по-хорошему. Вы же, насколько я вижу, человеческого языка не понимаете. Поэтому с вами будем говорить по-другому.

– Лечь на пол, быстро! – вдруг заорал Савицкий диким голосом. – Всех перестреляю! Виталик, – обратился он к товарищу. – Выбери из этого говна тех, кто был вчера, а ты, Серега, вытряси кассу.

Пока Серега выгребал выручку у всхлипывающего бармена, пока вытрясал белого, словно мел, метрдотеля, Виталик старательно разыскивал вчерашних знакомых. Это было непросто, поскольку для него, коренного жителя Н-ска, все кавказцы казались на одно лицо. Наконец он все же выявил четверых.

– Они твои, – великодушно разрешил Савицкий.

Вчерашние джигиты имели теперь на редкость жалкий вид и даже не помышляли о сопротивлении. В первую очередь Виталик занялся бугаем с глазами-маслинами, который давеча утверждал, что газовик «спьяну патэран». Ногой в пах, ребром ладони по шее, мордой об стол.

– Спьяну, говоришь, – рычал взбешенный Виталик. – Сейчас ты у меня выпьешь! – С этими словами он разбил о голову бугая взятую со стойки бутылку дорогого коньяка. Тот, потеряв сознание, грудой осел на пол.

Развернувшись на каблуках, Виталик, не теряя даром времени, врезал пяткой в грудь следующему. Тот отлетел прямо на Савицкого и, получив коленом по почкам, упал, извиваясь от боли. Третьему достался удар ладонью снизу, тут же превративший нос в окровавленную лепешку. Четвертый попытался сопротивляться, и вот ему-то влетело больше всех. Виталик избивал его долго, упорно и напоследок плюнул в разбитое лицо. В этот момент в ресторан зашел «мелкий чурка», в обязанности которого входило в сегодняшний день поддерживать связь между двумя филиалами, на тот случай, если откажет телефон. Надо сказать, что «мелкий» он был только по росту, а так довольно коренастый, лет сорока.

Увидев происходящее, он попытался смыться, но жестоким ударом приклада Слава уложил его на пол.

– Давайте, ребята! – махнул он остальным, и те принялись усердно претворять в жизнь вторую часть плана: бить видеоаппаратуру, мебель, кромсать ножами скатерти. Напоследок собрали со стойки все бутылки и раскололи об пол. Воздух загустел от запаха разлитого спиртного, под ногами хлюпало.

– Угощайтесь, халява! – ехидно предложил Савицкий, указывая кавказцам на залитый винами и коньяком пол, и, уже направляясь к двери, добавил: – На будущее даю вам хороший совет – будьте любезнее с посетителями!..

Удачно исполненная карательная экспедиция привела Славу в хорошее настроение, которое не оставляло его до самого дома. Однако у дверей собственной квартиры Савицкого едва не хватил удар. У порога стояли крышка гроба и роскошный траурный венок.

«Боже, – подумал он, хватаясь за мучительно заболевшее сердце. – Неужели с Ольгой или с ребенком что случилось?» Но, прочитав надпись на венке, он понял: Ольга тут ни при

чем. Затежливо выполненная надпись гласила: «Вячеславу Савицкому от друзей. Мир праху твоему». Кадий объявил войну.

Глава 4

Рано утром зазвонил телефон. Савицкий не сразу услышал его, сегодня почему-то спалось на редкость крепко, да и сон был приятным: огромное озеро, окруженное белоснежными березами. Зеленый луг, по которому он гулял под руку с Таней, своей первой, юношеской любовью.

Проклятый настырный звонок отобрал все это. С трудом разлепив глаза, Слава взял трубку.

– Слушаю, – сердито буркнул он.

– Получил подарочек? – осведомился незнакомый голос.

– Кто говорит?!

– Ты мертвец, понял? Мертвец! – В трубке послышались короткие гудки.

– Мудак ты, Кадий, – равнодушно сказал Савицкий, хотя, кроме кота, никто его слышать не мог. – К чему такие дешевые эффекты?

Он попытался снова заснуть, хотелось опять очутиться на зеленом поле вместе с Таней, но ничего не получалось. Когда же наконец стало возникать ощущение дремоты, предвещавшее благодатный сон, телефон зазвонил снова. На сей раз это оказалась жена. Предлагала встретиться, помириться. Небось увидела в магазине роскошную побрякушку, вот и вспомнила о муже!

– Оля, пойми, нам нельзя сейчас вместе жить, – терпеливо объяснял он. – Нет, не завел другую бабу. Просто у меня крупные неприятности. Тебе следует держаться подальше. Да перестань ты о бабах! Скажи лучше, сколько денег нужно? Сколько? Хорошо, сегодня занесу!

«Вот вам и любимая жена, – грустно подумал он, вешая трубку на рычаг, – даже не спросила, какие неприятности, зато при упоминании о деньгах сразу успокоилась! Какого хрена женился?»

Не найдя ответа на этот любопытный вопрос, он плюнул в сердцах, потом покормил кота и неожиданно для себя решил поехать на природу.

Погода выдалась хорошая. Настоящее бабье лето. Уже стоя у дверей, Савицкий подумал, что не мешало бы прихватить оружие. Если Кадий объявил войну, удара можно ожидать в любой момент.

Несясь на бешеной скорости по шоссе, он с наслаждением вдыхал бьющий через открытую форточку ветер. Он любил быструю езду, а еще – животных и осенний лес. Как там, должно быть, красиво теперь, а главное, тихо: не слышно людского гама, ругани, сопения. Увлеченный подобными мыслями, Савицкий не обратил внимания на синий «Шевроле», упорно следующий в отдалении за ним. У опушки леса Славик затормозил, закрыл машину и углубился в заросли. Боже, до чего хорошо! Почему теперь так редко удается выбраться в лес? В детстве он ходил сюда часто, пек с мальчишками-приятелями картошку на костре, когда стемнеет, любовался мерцающим пламенем. Как давно все это было!

Позади хрустнули ветки. Слава насторожился, прислушался: осторожные, крадущиеся шаги. Не искушая судьбу, он ничком упал на землю. Как выяснилось, вовремя. Автоматная очередь с треском разорвала прозрачный воздух. Откатившись в сторону, Савицкий спрятался за поваленное бревно и притворно застонал. Пускай думают, что он ранен, тогда придут добивать. Уловка сработала. Из кустов вышел один из кадиевских ребят, с «калашниковым» в руках. Настороженно озираясь, он двинулся к бревну, из-за которого слышались стоны. Аккуратно прицелившись, Слава выстрелил из своего «ТТ». Пуля попала прямо в сердце. Парень выронил автомат, удивленно разинул рот и грохнулся навзничь. В лесу воцарилась тишина. Некоторое время Савицкий ждал – не появится ли еще кто. Прошло полчаса. Никто не приходил. Очевидно, убийца приехал один. Осторожно поднявшись, Слава подошел к несостоявше-

муся киллеру. Парень лежал на жухлой траве, раскинув руки и запрокинув бритую голову. В широко открытых зеленых глазах застыло удивление. Симпатичное молодое лицо было смертельно бледно. Совсем мальчишка, не больше двадцати лет. На мгновение в сердце Савицкого шевельнулась жалость, но он тут же отогнал ее в сторону. Какого черта, этот бык хладнокровно стрелял ему в спину, а потом небось гордился бы, бахвалился, как лихо завалил¹⁰ Славу.

Выйдя из леса, он обнаружил синий «Шевроле», принадлежавший кадиевцу. Машина была пуста. Убийца действительно явился один. Какая глупость! Тачка наверняка угнанная, вряд ли на своей на мокруху поедут. Ну и пусть здесь стоит, вот ментам радость будет! Однако труп необходимо спрятать, не хватало, чтобы легавые рыться начали. Без них хлопот достаточно. Вернувшись к убитому, Слава тщательно собрал все гильзы, присыпал землей и листьями следы крови. Ее, впрочем, было не так уж много. Хорошо, что не в голову стрелял! Затем подогнал поближе свою машину, туго перетянул рану мертвеца его собственной рубашкой и с трудом запихал тело в багажник. Здоровый кабан оказался! Куда его теперь? В реку? Всплывет рано или поздно. Закопать? Тоже полной гарантии нет. Ах, ну да, как он мог забыть? Есть же Федька-могильщик, за которым остался неоплаченный должок! Савицкий, подобно дону Корлеоне, никогда не отказывал людям в помощи: во-первых, по причине врожденного добродушия, во-вторых, из соображения – авось пригодятся! «Иногда самый маленький, незаметный человек может оказаться полезен. Ну, а если нет – Бог с ним», – рассуждал Слава.

В тот раз Федька-могильщик, азартный игрок, крупно проиграл в карты своим товарищам по работе. На кладбище трудились в основном бывшие зеки, и порядки там были соответствующие. Федьку недвусмысленно предупредили: через два дня не рассчитаешься, посадим на нож. Карточный долг – святое дело! Тут бы Феде и конец пришел, да, на его счастье, кто-то надоумил обратиться за помощью к Савицкому.

– Карточный долг действительно святое дело, – внимательно выслушав, сказал Славик и достал из буфета пачку денег. – Держи, отдашь ребятам. Не волнуйся, сроки назначать не стану! Вернешь, когда сможешь!

Но долг Федька отдать не мог, поскольку все свои заработки пропивал или проигрывал в карты, и Слава уже начал забывать о нем, но сейчас вспомнил. При сложившихся обстоятельствах игрок-могильщик был очень кстати. Выгнав машину на дорогу, Савицкий снова вернулся в лес. Землей, опавшими листьями и сухими ветками тщательно замаскировал следы, оставленные «БМВ». Затем осторожно, на небольшой скорости, дабы не вводить в искушение гаишников, двинулся по направлению к кладбищу.

Федор Гришин сидел в раздевалке и подкреплялся водкой вместе с двумя приятелями. Начальство куда-то слиняло, поэтому вся троица пребывала в состоянии глубокого душевного покоя, сравнимого разве что с нирваной. Они недавно вернулись с похорон, где, кроме обещанных денег, получили еще три бутылки на помин покойника. Жмуриков¹¹ в этот день оказалось почему-то мало, и следующее погребение должно было состояться только через два часа. Могила для очередного «квартиранта» приготовили с утра, и в настоящий момент мужики наслаждались заслуженным отдыхом.

– Много народу помирать нынче стало, – говорил самый старший из могильщиков, дядя Вася, – и все больше молодежь! Вон сегодня чувака закопали – сорок лет с небольшим.

– Как он к нам попал, не знаешь? – спросил Федя.

– Как-как. Возвращался поздно вечером домой, трезвый, кстати. Дали чем-то по башке, забрали получку – тысяч сто всего. А у него жена, трое детей!

¹⁰ Убил.

¹¹ Покойников.

– Сволочи! – возмутился третий могильщик, жилистый молодой парень, в прошлом студент.

– Или девчонка семнадцатилетняя, что утопилась давеча в реке, – продолжал дядя Вася. – Говорят, беременная была, а какие-то козлы ее изнасиловали. На следующий день выкидыш...

– Из-за этого сейчас не топят, – усомнился Федя.

– А я говорю, так было! – рассердился дядя Вася. – Иду вчера вечером мимо ее могилы, слышу стоны, неприкаянная душа где-то здесь бродит, ни Бог, ни дьявол ее не принимает. Так и будет скитаться по кладбищу до Страшного суда...

– Привет, мужики, отдыхаете? – послышался с порога приветливый голос, и Федька оцепенел от ужаса, узнав Савицкого. «За долгом пришел! – мелькнула мысль. – Ох, что будет! У меня, как назло, ни копейки».

– Можно тебя на минуту, Федя? – подтверждая его подозрения, позвал Слава. – Разговор серьезный есть.

На подгибающихся от страха ногах могильщик послушно вышел из раздевалки.

– Извини, Славик, – умоляюще начал он, когда они оказались наедине. – Я гол как сокол, но, ей-Богу, к концу недели соберу бабки.

– Бабки? – искренне изумился Савицкий. – Зачем мне они?

– Тогда что?!

– Я пришел просить о дружеской услуге, окажешь ее – все долги забудем, полный расчет!

– Какая услуга?

– Пойдем, покажу!

Подойдя к своей машине, Слава на секунду приоткрыл багажник. Увидев скрюченный труп, Федя невольно отшатнулся.

– Не поднимай шума, – в тихом голосе Савицкого послышалась угроза. – Этот гад хотел меня убить, в спину стрелял. Нужно, чтоб он бесследно исчез. Пусть тот, кто его послал, ломает голову.

– Как мы это сделаем?

– Все проще пареной репы, неужто таких вещей не знаешь? А еще на кладбище работаешь! Есть готовая могила? Чудесно! Когда похороны? Еще лучше, времени хватит! Бери несколько досок и пошли. Остальным ни слова!

Могила, готовившаяся принять очередного постояльца, находилась в дальнем конце кладбища, которое непрерывно росло, давно перешагнув за первоначально отведенную территорию. Здесь не было памятников, бережно выкрашенных оград – только не успевшие осесть свежие холмики да груды траурных венков с искусственными цветами. Закапывали тут народ небогатый. Конечно, в центре кладбища, даже у самого входа, имелись свободные места, но предназначались они для мертвецов состоятельных и стоили бешеных денег. Прямо за могилой начиналась небольшая роща, которой в ближайшем будущем тоже предстояло стать местом захоронения.

Савицкий подогнал «БМВ» почти к самой яме.

– Лезь вниз и рой глубже, примерно на метр, – приказал он.

Федька, уже начавший понимать Славкин план, послушно прыгнул в могилу. Работал он изо всех сил, стремясь как можно скорее покончить со всем этим. Вздрагивал от каждого шороха. Казалось, с минуты на минуту нагрянут менты, найдут труп, повяжут обоих. И тогда Федя пойдет как соучастник. Однако все вокруг было тихо. Легкий ветерок шелестел листвой, чавкала под лопатой сырая глина, тяжело пахло разрытой землей. Стоящий на краю могилы Савицкий спокойно курил сигарету. Закончив, Федя с трудом выбрался наверх.

– Молодец! – похвалил Славик. – Быстро управился! Теперь помоги мне. Бери его за ноги.

Вдвоем они вытащили труп из багажника, бросили в яму. Затем тщательно заложили досками. Сверху насыпали земли, слегка утрамбовали. Могила приобрела прежний вид.

– Неплохо, да! – криво улыбаясь, сказал Савицкий. – Хрен его когда найдут! Сейчас будут похороны, в яму опустят гроб, поплачут, закопают, навалят венков – затем поедут пить водку! Никому и в голову не придет, что в могиле еще один. А мертвецам все равно, вдвоем им даже веселее будет. – Неожиданно лицо его стало печальным. – Все-таки жаль парня, совсем молодой! Но что мне оставалось делать?! Кого здесь хоронить будут, не знаешь? – сменил он тему разговора.

– Какую-то женщину!

– И скоро?

– Час остался.

– Ладно, отгоню машину, потом приду поглядеть, или знаешь что? Хочешь выпить со мной?

– Так ты вроде... – удивленно начал Федя.

– Э, ладно, сегодня можно! К тому же отмазка хорошая для твоих корешей. Встретил старого друга, хлопнули по маленькой... Чтобы не обижались, им тоже привезем! Поехали!

«БМВ» быстро домчался до ближайшей коммерческой палатки. Савицкий купил три бутылки «Абсолюта», немудреную закуску, пластмассовые стаканчики. Вернувшись на кладбище, они загнали машину в укромный уголок и расположились на скамеечке, около заботливо ухоженной могилы, украшенной внушительной плитой из черного гранита.

– Пусть каждый наливает сам сколько хочет, – предложил Слава и плеснул себе на доньшко. – Мне много нельзя, – пояснил он, – а ты не стесняйся!

– Ну давай, за упокой души того парня, жаль, не знаю, как его зовут! – произнес тост Савицкий и опрокинул в рот содержимое своего стакана. Федя не постеснялся, хлопнул целый. Водка успокоила нервы. Совершившееся начало представляться в ином свете. Действительно, чего страшного? Никто не догадается искать здесь жмурика. Кроме того, со Славкой в расчете. Опорожнив еще стакан, Федя вдруг подумал, что можно подобное дельце провернуть и еще раз, на этот раз за деньги. До чего хреново, когда карман пустой!

Словно прочитав его мысли, Савицкий достал из кармана несколько пятидесятитысячных купюр.

– Держи, братан, – сказал он, – не тушуйся, это не в долг, просто по дружбе!

– Будет еще подобное дело, обращайся прямо ко мне! – сказал охмелевший могильщик. Слава пристально, изучающе посмотрел на него. Под этим цепким взглядом Федору сделалось не по себе.

– Спасибо, – промолвил наконец Савицкий, – я так и сделаю. Только гляди, не распускай язык!

В глазах Славика сверкнула молния. Федор вздрогнул, представив себя на мгновение на месте того парня.

– Ну, ну, успокойся, – заметив его страх, добродушно улыбнулся Славик. – Пойдем, угоstim твоих ребят...

Бедные похороны проходили быстро, суетливо. Подвыпившие родственники поспешно, торопясь покончить с неприятной обязанностью, целовали в лоб мертвую женщину, на лице которой застыло усталое выражение. Казалось, она тоже хотела, чтоб все это побыстрее кончилось и люди, постоянно отравлявшие ее и без того безрадостную жизнь, а теперь изображавшие лицемерное горе, ушли. Родичам, в свою очередь, не терпелось вернуться домой, где ждал накрытый для поминок стол. Поплакав для приличия, гроб опустили в могилу, закидали землей и водрузили сверху дешевый бумажный венок. Затем, приняв по стакану, отправились восвояси. Никто не заметил стоявшего в отдалении хорошо одетого мужчину лет тридцати.

Когда все ушли, он подошел к свежему холмику, положил на него букет ярко-красных роз и, резко повернувшись, зашагал к своей машине...

Вернувшись домой, Савицкий позвонил Мирону, которому доверял больше других. Слушая рассказ шефа, Мирон бледнел на глазах, но бледность эта была не от страха, от злости!

– Нельзя оставлять дело без последствий, – решительно сказал он, – нужно нанести ответный удар, иначе Кадий вконец обнаглит.

– Опять мокруха?! – поморщился Слава.

– Не обязательно, можно по-другому! Кадий держит через подставных лиц большой коммерческий магазин, где торгуют мебелью, видеоаппаратурой, мехами! Он имеет оттуда хорошие лавы. Разгромим магазин, самое ценное вывезем, остальное спалим! Людей Кадий не особо жалеет, но денежки любит. Тем паче что он вложил в магазин свои средства. Это будет чувствительный удар...

– Что ж, – согласился Савицкий, – хорошая идея!

Объект, предназначенный к разгрому, уже закрывался, когда к нему подкатили две белые «девятки». Магазин располагался в отдельном здании, приобретенном Кадиевым за астрономическую сумму. Выпроводив последних посетителей, заведующий хотел уже закрывать дверь, как вдруг перед ним появилось несколько крепких парней с автоматами в руках. Завмаг несказанно удивился. Всем было известно, что магазин принадлежит Кадиеву, и ни одна банда сюда не совалась. Кому охота развязывать войну? Может, залетные? Но тут он узнал одного из боевиков Савицкого. Что за чертовщина?

– Ребята, это магазин Кадия, – начал заведующий.

– Знаем без тебя! – оборвал его Мирон. – Закрой пасть, пока цел.

Налетчики ворвались внутрь. Один быстро перерезал телефонный провод, другой, подталкивая дулом автомата, согнал в кучу опешивших продавцов.

– Кадий нам кое-что должен! – объявил Мирон и вдруг рявкнул: – Дневную выручку быстро!

Денег набралась изрядная сумма. Вещи брать не стали. Перепуганных людей дулами автоматов вытолкали на улицу, видеоаппаратуру разбили прикладами.

– Передай Кадия привет от Славы, – процедил Мирон в лицо трясущемуся завмагу. – Давайте, ребята, – обернулся он к своим.

Внутрь здания полетели бутылки с зажигательной смесью. Магазин мгновенно вспыхнул ярким веселым пламенем.

– По коням! – скомандовал Мирон, и, погрузившись в машины, боевики Савицкого уехали.

– Черт бы побрал всех этих бандитов! – пробормотал себе под нос совершенно выбитый из колеи заведующий. – Буду искать другую работу! Сводят счета, а я за них отдувайся. Слава Богу, хоть не убили. И на том спасибо!

Глава 5

В то время, как происходили вышеописанные события, Алексей Кадиев с нетерпением ожидал вестей от своего киллера. Он был уверен, что Серега не промахнется. Именно этот парень лично ликвидировал трех посланных Корейцем боевиков. Серега был прирожденным убийцей: отлично стрелял, в совершенстве владел рукопашным боем и, что самое главное, не испытывал ни малейшей жалости к своим жертвам. В том, что он прихлопнет Савицкого, Алексей ни минуты не сомневался. Правда, Кадия не понравилось, что Серега сегодня проявил строптивость, поехал на дело на собственной машине, а не на угнанной, как он ему настойчиво советовал. Ну ничего, не страшно, с годами поумнеет. Главное, работу свою делает на пять с плюсом.

Кадий опустил в низкое кресло, налил бокал мартини. Нажав кнопку дистанционного управления, включил телевизор. Выступала популярная рок-группа. Длинноногие девицы в юбках, едва прикрывающих трусы, скакали по сцене, словно кенгуру, создавали фон. Волосатый, бородатый солист в невообразимо идиотском одеянии извивался у микрофона, завывая дурным голосом. Кадий презрительно сощурился: «Тяжелый рок! Тьфу!» Человек старшего поколения, а было Алексею уже за сорок, он не признавал всю эту новомодную дребедень, да и вообще музыку не любил, за исключением блатных песен. Однако создававшие фон телки ему понравились. Как приятно небось засадить между этих стройных ножек. Делать все равно было нечего, и, немного подумав, Кадиев набрал номер телефона фирмы, поставлявшей девочек по вызову. Фирма находилась у него «под крышей», поэтому шлюх присылали бесплатно.

Приехавшая девица, скрывая отвращение, глядела на изрытое оспой лицо бандита. «Опять на «субботник», – с раздражением думала она. – Володя явно невзлюбил меня, за последнее время ни одного хорошего заказа, а как бандюг бесплатно ублажать – вперед, Ларисочка!» Уйти, однако, было некуда: ни кола ни двора. Приехавшая из далекой, глухой провинции, Лариса оказалась полностью во власти сутенера. Только рыпнись – выкинет на улицу как собаку. Придется возвращаться домой, в грязную, вымирающую от пьянства деревню, где все равно не будет покоя – начнут таскать по кустам воняющие сивухой скотники и трактористы. Да дадут ли еще уехать? «Убью, закопаю! – грозился пьяный Володя. – Никто не найдет, кому ты нужна, проשמандовка?!» Может, врет, а может, и нет. За последнее время девушка столько всякой мерзости насмотрелась – не приведи Господь!

Кадиев тем временем выключил видеомэгнитофон с порнографической кассетой, уселся в кресло напротив экрана и, распахнув полы махрового халата, достал наружу сморщенный красноватый член, окруженный неряшливыми волосами.

– Соси! – приказал он.

С трудом преодолевая тошноту, девушка принялась делать минет. Густая вонючая волосня Кадиевого паха забивала глаза. Член же упорно не вставал. Неизвестно, что тут было виной, но Алексей обозлился на девчонку.

– Ничего не умеешь, шлюха! – злобно процедил он. – Где Вовка набирает таких коров?

С этими словами Кадий с силой оттолкнул от себя Ларису. Она упала навзничь, больно ударившись затылком.

Боль, обида, накопившиеся за последние месяцы, отвращение толкнули ее на необдуманные слова.

– Ты бы хоть помылся сперва, – со слезами на глазах сказала девушка.

– Что?!! – вскочил взбешенный Кадий. – Ах ты, паскуда!

С этими словами он резко ударил Ларису кулаком в лицо, затем ногой в живот.

– Ты кого мне прислал, пидор! – злобно рычал в трубку Алексей, а сутенер на другом конце провода трясся от страха. – Я тебе, падлю, яйца отрежу!

– Алексей, Алексей, не надо! – зачастил перепуганный Володя. – Сейчас приедет самая лучшая девочка, будешь доволен, клянусь!

– Ладно, – смягчился Кадиев. – Пусть едет. А эту шалашовку забери отсюда и устрой ей райскую жизнь, понял?!

Через пятнадцать минут охранники сутенера привезли новую проститутку, а плачущую Ларису запихали в машину.

– Всех нас подставила, курва, – процедил один сквозь зубы, – ну, шеф тебе покажет!..

Новая девица, высокая стройная блондинка, старалась вовсю. Под тихую музыку медленно разделась, сладострастно извиваясь, с высоким профессионализмом сделала минет. Затем, когда навалившийся сверху Кадиев тыкался в нее своим коротким отростком, страстно стонала, изображая экстаз. «Кончай же быстрее, грязная свинья, – хладнокровно думала проститутка. – Мне еще сегодня деньги зарабатывать надо».

В конечном итоге Кадий остался доволен. Выпроводив девицу, он налил себе рюмку коньяка, с наслаждением выпил. Затем, усевшись в кресло, закурил сигарету, пуская под потолок кольца дыма. В это время зазвонил телефон. Алексей взял трубку. Это был Марат, старый кореш, приехавший вместе с Кадием из далекого северного города. По мере рассказа Марата бандит все сильнее менялся в лице. Выслушав до конца, Кадиев бросил трубку и затрясся в припадке ярости. Серегину машину обнаружили на обочине шоссе, сам он исчез, наверняка убит. Более того, боевики Савицкого разгромили и сожгли его магазин, в который было вложено столько денег! Проклятый Слава оказался не лыком шит. В ответ на покушение немедленно нанес два сокрушительных удара. Война, которую Кадий считал «блицкригом», начинает принимать затяжной, кровопролитный характер.

– Хорошо, – скрипнул зубами Кадий, – я тебе покажу, щенок...

Было около одиннадцати часов вечера, когда Виталик наконец вернулся домой от своей очередной подруги. Катя, неистощимая в постельных ласках, вымотала его до предела. Гибкая, стройная шатенка с полными бедрами, она умела разжигать в парне страсть, даже когда он, вымотанный бурной, бессонной ночью, считал, что уже ни на что не годен. Впрочем, тянуло Виталика к ней не только поэтому. Катя умела прекрасно готовить, создавать уют. Ее маленькая квартирka сияла чистотой, но не такой, как у некоторых чистюль-хозяек, у которых боишься ступить на сияющий паркет или не решаешься до чего-либо дотронуться и только думаешь, как быстрее отсюда смыться! Нет, в Катиной квартире все было естественно, и Виталик чувствовал себя там вполне непринужденно. «Может, жениться?» – неожиданно подумал он, немало при этом удивившись. Как большинство людей его возраста, Виталик являлся убежденным браконенавистником и при виде загса, свадебной фаты, украшенных пупсами и цветами машин его бросало в мелкую дрожь. Но сейчас мысль о браке не вызвала отвращения. «Действительно, почему нет? – сказал он себе. – Катя отличная хозяйка, красивая баба. А что не девочка – ерунда! Где их теперь возьмешь!»

Не торопясь выходить из машины, Виталик закурил сигарету, размышляя о будущей семейной жизни. Пожалуй, он переедет жить к Кате, только собаку с собой возьмет. Родители даже рады будут, просторнее станет в малогабаритной «хрущевке», да и не очень-то они жаловали сына с самого детства. Вечно грызлись как кошка с собакой. Мать пилила отца – мол, мало зарабатывает, сама ходила налево, а отец с горя пил, лупил сына. В детстве Виталик всегда болтался драный, голодный, часто сбегал из дома, за что и был поставлен на учет в детской комнате милиции. Но родителям он все равно будет помогать материально, жаль все-таки стариков. А с Катей они будут жить по-другому, по-хорошему...

Увы, мечтам парня не суждено было осуществиться, поскольку жить ему оставалось считанные часы.

Едва Виталик вышел из машины, как сзади на него обрушился тяжелый удар. Мир в его глазах перевернулся вверх ногами и исчез. Когда он пришел в себя, то обнаружил, что лежит в сыром подвале, крепко связанный по рукам и ногам. Сквозь неплотно прикрытую дверь просачивалась узкая полоска света. Вдалеке слышались приглушенные голоса. Парень не мог сообразить, куда попал, кому понадобилось забрасывать его в эту вонючую яму. Менты зацепили? Нет. Помещение ни в коем разе не напоминало КПЗ. Обычный подвал, судя по размерам, в частном загородном доме.

На лестнице послышались шаги, дверь открылась. В проеме показалась темная фигура, в которой Виталик с удивлением узнал Кадиева.

Рядовой боевик, он еще не знал о начавшейся между бандами войне. После разгрома кавказского ресторана он сразу уехал домой, а оттуда к Кате.

Кадиев пошарил рукой по стене, разыскивая выключатель. Неяркий желтый свет залил подвал. Кадий долго, упорно разглядывал связанного парня.

– Привет, гаденыш! – наконец процедил он.

– В чем дело, Кадий, за что меня схватили? – спросил Виталик. Голос его слегка дрожал.

– А ты не знаешь?

– Нет, откуда?

– Сейчас объясним! Сыч, Серый, идите сюда, – обернувшись в сторону лестницы, позвал Кадиев. В подвал ввалились двое его приближенных. Один держал в руках газовую горелку, другой щипцы, стальную миску и кусок свинца. При виде этих зловещих предметов сердце несчастного парня замерло от страха.

– Где Серега?! – рявкнул Сыч. При этом во рту его сверкнули золотые фиксы.

– Что? Серега?! Откуда мне знать!

– Дурака валяет, козел, – констатировал Серый. – Ладно, поговорим по-другому, – добавил Виталик был не единственным, на кого обрушилась сегодня месть Кадиева. Мелкая сошка, он лишь случайно попал под кровавую косу. Но Мирон мелкой сошкой не был, поэтому для его поимки Кадий отправил не двух, как в случае с Виталиком, а четверых человек. Однако Мирон не был и новичком. Пройдя жестокую школу афганской войны, побывав на многих мафиозных разборках, он обладал звериным чутьем. Вот и сейчас, остановив машину возле своего подъезда, он нутром почуял опасность. Во дворе было темно. Фонарей здесь сроду не водилось, и единственным источником света являлись слабые блики, падавшие из окон домов. Тем не менее Мирон заметил четыре смутные фигуры, окружающие машину. «Живьем хотят взять, – подумал он. – Кадий желает поизмываться напоследок. Ладно, посмотрим!» Выйдя из машины, он моментально нырнул под нацеленный в голову удар и, выхватив из кармана нож, загнал его в тело нападавшего по самую рукоятку. Послышался глухой стон, тут же перешедший в хрип. Не мешкая, Мирон сделал изворот вперед, прямо под ноги второго кадиевца и, когда тот обрушился сверху, резким рывком свернул ему шею. Остальные бросились бежать. Мирон не торопясь вынул пистолет с глушителем и с четырех выстрелов уложил обоих. На все ушло не более минуты. Шума не было вообще. Местные жители, не подозревая о случившемся, продолжали спокойно смотреть телевизоры или глушить водку. «Нежелательно здесь трупы оставлять, – подумал Мирон. – Но куда их денешь, не домой же тащить?!» Представив, как перекосятся при виде подобного подарка физиономия дражайшей супруги, он криво усмехнулся. Ладно, шутки в сторону, нужно искать выход из положения. Еще раз внимательно оглядевшись, Мирон заметил спрятавшийся в тени дома японский микроавтобус. Без сомнения, машина принадлежала приехавшим по его душу убийцам. В ней места хватило бы всем четверым боевикам, да и связанному Мирону тоже. Кадий наверняка потирает лапы, представляя, как будет мучить беззащитную жертву. Сволочь, садист, хуже душмана! «Ну ничего, – подумал Мирон, – я тебе сделаю подарочек». Обыскав убитых, он наконец обнаружил в кармане одного ключи. Оттащив трупы в автобус, он рассадил их по сиденьям, потом осветил лица найденным

в бардачке карманным фонариком. Трое молодых парней не были ему знакомы, но четвертого Мирон сразу узнал. Ба, да это же Стриж, один из приближенных Кадия, бежавший вместе с ним из далекого северного города. Вот так удача! Кадий до потолка подпрыгнет от ярости, волосы на жопе рвать начнет! Заперев свою машину, Мирон уселся за руль микроавтобуса и погнал его по направлению к загородному дому Кадиева. Не доезжая двух километров, он оставил машину на обочине шоссе, отошел как можно дальше и, поймав за бешеную сумму таксиста, вернулся в город. Разыскав ближайший телефон-автомат, Мирон набрал номер.

– Здравствуй, Леша, это я, Стриж, – сказал он в трубку искаженным голосом, – все сделали в лучшем виде.

– Где вы? – В голосе Кадия слышалось раздражение. – Что за голос у тебя странный?

– Я говорю из автомата, тут неподалеку, тут трубка на волоске висит.

– Почему застряли, езжайте быстрее!

– Мы не можем, машина сломалась, трое раненых, да и этого бугая на руках не дотащить!

Приезжай, Леша!

– Ладно, – буркнул Кадий, вешая трубку, и тут же встрепенулся: что за чертовщина, на шоссе нет телефонов!

Собрав всех имеющихся в наличии ребят, он осторожно подъехал к указанному месту. Стояла мертвая тишина. Ночное шоссе было пустынно. В небе ярко светила полная луна. В ее зловещем сиянии был отчетливо виден стоящий на обочине микроавтобус с потушенными фарами. Кадиевцы рассыпались по кустам, держа оружие на изготовку. Поблизости никого не оказалось. Засады не было. Только четыре темные фигуры неподвижно сидели в салоне автобуса. Внимательно приглядевшись, Кадий узнал в одной из них Стрижа.

– Сашка! – позвал он. – Давай вылазь, мы приехали!

В ответ гробовая тишина.

– Сашка! – еще раз крикнул Кадий и, подойдя к машине, распахнул дверцу.

Все четверо были мертвы. В груди Стрижа торчал загнанный по самую рукоятку финский нож. Мертвые глаза бессмысленно таращились куда-то вдаль. Во рту убитого торчала свернутая в трубочку бумажка. Кадиев дрожащими руками развернул. «Пойдем со мной!» – было написано там печатными буквами.

От отчаяния и бессильной ярости Алексей завыл. Крик его дикими переливами пронесся над пустой дорогой. Даже толстокожие боевики вздрогнули от страха.

– Ладно, – успокоившись, прошепел он. – Погоди у меня!

Похожую фразу произнес и Слава Савицкий, когда, разбуженный посреди ночи Мирон, узнал о случившемся.

– Все ясно, война на уничтожение, либо мы их, либо они нас! Как можно быстрее вырезать всю эту сволочь! – горячился еще не полностью пришедший в себя Мирон.

– Успокойся, – сказал Савицкий. – Давай выпьем!

– Тебе же нельзя?! – удивился Мирон.

– Плевать!

– Всех не надо, – продолжал Славик. Глотнув по полстакана водки, они закурили сигареты, удобно устроившись в креслах. – Достаточно выбить ядро, а лучше всего самого Кадия: рядовых пацанов зря не трогайте, только если нет другого выхода.

– До Кадия сейчас вряд ли доберемся, – немного подумав, сказал Мирон. – Он хитрая bestия, может на дно лечь, да и все остальные тоже. Слышь, Слава, – внезапно оживился он. – В больнице-то четыре его красавчика загорают!

– Убивать на больничной койке полуживых людей, – поморщился Савицкий.

– Зачем на койке! Когда выйдут! Сегодня дежурит врач Василевский, мы с ним вместе в Афгане служили. Позвоню-ка я ему, узнаю, когда кто выписывается.

Врач Василевский дежурил не очень старательно, а точнее, крепко дрых, напившись спирта. Поэтому трубку снял только после тридцатого гудка. Выслушав просьбу Мирона, он раздраженно чертыхнулся, но все же разузнал то, что нужно.

– Ну вот, – закончив разговор, удовлетворенно сказал Мирон. – Завтра выписываются Енот и какой-то Королев Николай, поступивший вместе с ним.

– Королев молодой, «шестерка», на фиг он нам сдался, – устало ответил Савицкий. – А Енот... Что ж, Енота, пожалуй, можно, та еще сволочь!

Услышав о выписке, Колюня обрадовался. До смерти надоела пропахшая потом, лекарствами и ночными горшками больница, осточертела прилипчивая медсестра, ни на минуту не оставлявшая его в покое. Похоже, дура рассчитывает на серьезные отношения. Нет уж, дудки, потрахались, и будет! За два дня Светка опротивела не меньше больницы. Ладно хоть спирт приносила. Вообще-то выписывать собирались его одного, но Енот тоже захотел домой. «Сам долечусь», – хмуро объяснил он лечащему врачу. Колюня праздновал предстоящую выписку всю ночь и встал поздно, с больной головой. Для Енота раболепствующая перед Колюней Светка стащила где-то морфия, которым тот с удовольствием ширнулся. Напившись крепкого чая и переодевшись в присланную из дома чистую одежду (та, в которой прибыли в больницу, была изорвана и пропитана кровью), Енот под руку с Колюней вышли на улицу. Стояло свежее, прохладное утро, больничный сад утопал в роскошном осеннем наряде. Лежа в больнице, они не знали о тех кровавых событиях, которые разыгрались за последние двое суток. Поэтому ни Енот, ни Колюня не обратили внимания на «восьмерку» с затемненными стеклами, стоящую напротив подъезда.

– Что за проклятие! – ругался тем временем сидящий в машине Мирон. – Почему идут под руку, гады?! Енота, только Енота! – передразнил он мысленно Савицкого. – Автомат – это не винтовка с оптическим прицелом. Как попасть в него, не задев второго? Савицкий, гуманист хренов!

«Ну тебя, Славик, к лешему с твоей дурной добротой», – решил наконец Мирон и длинной очередью скосил обоих.

Глава 6

– Итак, что мы имеем на сегодняшний день? – Савицкий, сцепив за спиной руки, расхаживал по комнате, в которой расположился весь костяк его банды. – Кадий лег на дно, его люди тоже! С квартиры съехал, загородный дом пуст. Кстати, спалили его? Хорошо! Ты, Мирон, дров наложил здорово, зачем валил прямо на улице, шуму теперь на весь город!

– Там все чисто, – обиженно возразил Мирон, – я был в парике, в темных очках. Машина не наша, угнанная, да и вообще она уже давно на запчасти разобрана.

– Это правильно, молодец! – одобрил Славик. – Только не следовало убивать молодого пацана. Я же сказал русским языком: Е-но-та!

– Енота, Енота, – передразнил обозлившийся Мирон. – Они под руку шли, что мне оставалось делать?! К тому же, Слава, ты меня удивляешь. Откуда такая гуманность? Знаешь, кого мы обнаружили в подвале кадиевского дома? Виталика, живьем замурованного в цемент! Он тоже рядовой боец, за что его так?! А ты – Е-нота! Всю эту мразь нужно вырезать до одного. Думаешь, Виталика Кадий лично похищал? Нет, такие же, как он, молодые пацаны. Меня самого кто хотел убить? А ты – Е-нота!

– Ладно, не кипятись, – примирительно сказал Савицкий. – Что сделано – то сделано, давайте думать, как дальше быть, как выманить из норы эту лису!

– Есть одна идея, – хмуро сказал Мирон, – только не знаю, понравится ли она тебе!

– Мирон, перестань из себя целку корчить, – рассердился Савицкий. – Говори, чего придумал!

– Кадий держит «под крышей» фирму, поставляющую девочек по вызову...

– Во, пидор! – загалдели хором бандиты. – Не запахло ему с блядей деньги получать?

– Тихо, братва, не шумите, – успокоил их Слава. – Продолжай, Мирон.

– Можно наехать на эту лавочку, потрясти сутенера, авось концы найдутся.

– Откуда ты взял, что сутенер знает, где сейчас Кадий? – скептически усмехнулся Савицкий. – С таким же успехом мы можем потрясти остальные кадиевские точки. Какого хрена он будет барыгам свои координаты оставлять?..

– Подожди, – раздраженно огрызнулся Мирон, – ты не выслушал до конца! Начнем с того, что сутенер и его шлюхи могут знать неизвестные нам берлоги Кадия: сауны, квартиры друзей и так далее. Не исключено даже, что он по-прежнему пользуется их услугами. Во-первых, Кадий без бабы дня не проживет, во-вторых, этот хмырь жаден до безобразия. Он не станет цеплять проституток в других местах, если здесь может получить их бесплатно. В любом случае мы ничего не теряем. Если вопреки ожиданиям концов не зацепим – на худой конец погромим еще одну кадиевскую точку...

Савицкий на минуту задумался. Похоже, в словах Мирона есть определенный резон. Вдруг и вправду повезет! Тем более он терпеть не мог сутенеров. Проституток Слава не осуждал, понимая, что в нынешнее голодное, дикое время многим молодым девчонкам просто некуда деваться, что большинство из них торгуют телом не от хорошей жизни. Их Слава жалел, никогда не обижал, расплачивался честно. Но сутенеры – мерзкие работоторговцы, наживающиеся на чужом горе. Даже если этот ублюдок ничего не знает, все равно приятно подпалить ему задницу.

– Ладно, – принял решение Савицкий, – поехали!

– Подожди, – охладил его пыл Мирон, – адрес-то мы не знаем!

– Так ты издеваться надо мной вздумал?!

– Не кипятись! Есть телефон диспетчера. Мы звоним туда, заказываем девочку. Диспетчер перезванивает на хату, где сидят шлюхи с сутенером и охранниками. Когда они приезжают – берем всех за жопу и вместе с ними едем обратно. Дело проще пареной репы!

– Молодец, – одобрил Слава, – звони!

Набрав номер, Мирон заговорил в трубку намеренно тонким, гнусавым и дрожащим голосом, талантливо изображая безобидного лоха:

– Здравствуйте. Я по объявлению звоню: мне бы, знаете, девушку! Сколько? Хорошо, я заплачу, да, да, не беспокойтесь. Перезвоните? Буду ждать!

Владимир Полухин, возглавлявший пресловутую «фирму» по торговле живым товаром, в настоящий момент занимался «воспитанием» несговорчивой девицы, имевшей глупость прогневить всесильного Кадия. Дело происходило в квартире, которую Полухин высокопарно именовал «штабом». Отсюда уезжали на заказы девочки, сюда же возвращались с деньгами. В квартире имелись две комнаты, большая и маленькая. В большой расположились проститутки и охранники-водители. Заказов сегодня поступало не густо, поэтому почти все были в сборе. Мордастые охранники лениво перебрасывались в «дурака», девицы, как обычно, болтали, правда, не очень оживленно. То, что творилось сейчас за тонкой панельной перегородкой, пугало их, заставляя задуматься о собственной судьбе. Ведь с каждой из них могло случиться нечто подобное. В маленькой комнате всхлипывала абсолютно голая Лариса, прикованная наручниками к батарее. Ее тело покрывали многочисленные синяки и кровавые полосы. Заплаканное лицо осунулось. По приказу Полухина ей не давали ничего, кроме хлеба и воды. Володя наслаждался своим могуществом. Это был низенький, прыщавый тип с салными волосами, глупенькой улыбочкой и короткими кривыми ногами. С детства Полухин страдал комплексом неполноценности: девушки не любили хлипкого недомерка, избегали его общества. Ровесники-пацаны презирали за трусость, жадность и склонность к стукачеству. Лишь сделавшись сутенером, главой «фирмы интимных услуг», Володя наконец смог удовлетворить свои сексуальные потребности, а также убажить самолюбие. Девицы, в большинстве своем приехавшие из провинции и не имевшие собственного угла, не могли ни в чем отказать сутенеру. Бугаи-охранники, готовые за деньги на что угодно, «шестерили», дабы не потерять хорошо оплачиваемую работу. Полухин чувствовал себя на вершине блаженства. Надменно усмехаясь, он разглядывал дрожащую девушку, одновременно поигрывая тонким кожаным ремешком.

– Ты понимаешь, сука, что всех нас подставила? – в который раз процедил он. Девушка испуганно съежилась, ожидая удара.

– Прости, Володя, – проскулила она, – я больше не буду!

Полухин ухмыльнулся. Ужас в затравленных глазах несчастной девчонки доставлял ему огромное удовольствие.

– Прос-ти, Во-ло-дя!!! – передразнил он и вдруг сильно хлестнул ремнем по голому телу.

Лариса заплакала. Полухин, войдя в раж, продолжал экзекуцию, с удовольствием наблюдая, как вздуваются на нежной коже кровавые рубцы.

В это время машина с заказанной девочкой подкатила к дому Савицкого. В ней находилась длинноногая блондинка по имени Инга и мордovorот-охранник, он же шофер.

– Кажется, здесь, – сказал он, сверяясь с записанным на бумажке адресом. Девушка зевнула, прикрыв рот ладошкой.

– Слышишь, Инга, – обратился к ней охранник, – обработай быстрее своего старикашку, потом с тобой побалуемся.

– Посмотрим, Саша, – задумчиво сказала проститутка. Она проработала в своем бизнесе почти три года, поэтому мужики ей давно опротивели. Теперь ее тянуло в основном к женщинам. С охранником, однако, ссориться не стоило, от него многое зависело. Так, если удавалось «развести» клиента на большую сумму, Саша мог промолчать об излишке – поделиться с ней...

Первым по лестнице поднялся Саша. Это был здоровенный амбал, в прошлом мастер спорта по самбо. Забросив борьбу, он моментально оброс толстым слоем жира, делавшим его похожим на откормленного борова, однако под жиром скрывались могучие мышцы. По этой

причине Саша чувствовал себя крутым и пренебрежительно отмахивался от более опытных коллег, советовавших все время держаться настороже. «Аккуратнее, не нарвись на кидняк, – предупреждали его. – Тебе морду набьют, бабу за бесплатно «на хор» пустят¹²». – «Набьют, ха-ха, – веселился бывший самбист, – я сам кого хочешь в бараний рог скручу». Найдя нужную дверь, он позвонил. Открыл Мирон.

– Давай деньги, – важно сказал охранник, протягивая ладонь.

– Сейчас, – отозвался Мирон и вытащил из-за пазухи пистолет. – Только дернись, падло, завалю, – тихим, угрожающим голосом предупредил он. – Заходи в квартиру вместе с телкой, живо!

Амбал удивленно захлопал глазами. Он настолько не поверил происходящему, что даже мелькнула мысль о сопротивлении.

– И не думай, – ехидно посоветовал Мирон. – Оглянись назад.

За спиной у Саши, широко расставив ноги, стоял Кирилл, державший в вытянутых перед собой руках пистолет Макарова. Черное отверстие ствола уставилось прямо в затылок охраннику.

– В хату, живо! – резко приказал он.

«Влипла, опять влипла!» – затравленно думала Инга, глядя в холодные глаза бандитов. Месяц назад она подобным же образом нарвалась «на хор». В квартире тогда оказалось восемь чеченов, которые избили до полусмерти охранника, а ее увезли в какой-то загородный дом, где три дня насиловали по очереди. Потом, наконец насытившись, выкинули посреди шоссе, не дав ни копейки. После этого, с трудом добравшись до дома, она три дня не вставала с кровати, мучаясь от дикой боли в интимных местах. Кроме того, жители гор наградили девушку дурной болезнью.

«Боже, до чего надоела вся эта мерзость! – мысленно плакалась Инга. – Если не убьют, сама повешусь». Однако, как ни странно, бандиты совершенно не обращали на девушку внимания. Один, по-видимому, главарь, молча указал рукой на кресло, после чего, как казалось, полностью забыл о ее существовании. А вот Саше пришлось гораздо хуже. Он, наконец сообразив, в какую неприятную историю вляпался, обильно потел со страха.

– Боишься, козел! – усмехнулся Мирон. – Ссышь, сутенер хренов!

– Я не сутенер, я охранник! – осмелился подать голос амбал.

Вместо ответа Мирон резко ударил его кулаком в лицо. Из разбитого носа потекла кровь.

– Ты, жирная свинья, будешь разевать пасть, только когда тебя спросят, – ласково произнес Савицкий и вдруг рявкнул: – Удавлю, гнида!

Славка вовсе не собирался «давить» воняющего потом толстяка. Это была обычная игра, рассчитанная на подавление психики охранника, в котором Савицкий безошибочно разглядел слабую, трусливую душонку.

– Ребята, не надо! – зачастил обезумевший от ужаса Саша. – Заберите бабу, деньги, только не убивайте!

Сморщившись, будто его только что заставили съесть живую скользкую жабу, Слава изо всех сил ударил амбала ногой в пах. Жирное тело скрючилось от боли.

– Ну, гондон! – презрительно процедил Мирон. – Чтоб спасти свою жопу, всех готов продать. Живет за счет этих несчастных шлюх, хапает их денежки, охранником считается, защитником! А чуть припечет – «берите, пожалуйста, моя хата с краю». Успокойся! – обернулся он к скрючившейся в кресле Инге. – Будешь сидеть тихо – не тронем. Покури пока, выпей ликера.

Плеснув в бокал розовой жидкости, Мирон поставил его перед девушкой. Затем протянул сигарету, чиркнул зажигалкой. После этого снова вернулся к Саше. Инга недоумевала: судя по всему, «на хор» ее пускать не собираются. В таком случае что нужно бандитам?

¹² Групповое изнасилование.

– Кадия знаешь? – спросил между тем Савицкий, решивший, что охранник достаточно напуган.

– Ви-видел од-дин раз!

– Где?!

Саша назвал адрес загородного дома Кадиева.

– Это нам без тебя известно, – отмахнулся Слава, – где он еще может быть?!

– Н-не знаю!

– Хорошо, сейчас поедem к твоему «шефу», главному сутенеру. Скажешь по телефону: мол, все в порядке, клиент – старикашка, кончил сразу, заплатил хорошо. Короче, придумаешь любую отмазку. Когда приедem, вместе с телкой позвонишь в дверь. Мы же станем так, чтоб не видно было, будешь паинькой – останешься жить, начнешь дурака валять – живым в землю зароем! Усвоил, урод?!

– Да-а-а!!!

– Прекрасно, за дело!!!

Полухин, временно прекратив издеваться над Ларисой, устроился в большой комнате. Попивая сухое вино из длинного узкого бокала, он от нечего делать проводил производственное собрание. Володе нравилось разыгрывать роль большого начальника, главы крупного процветающего предприятия.

– Вы обязаны соблюдать железную дисциплину, – самодовольно разглагольствовал он. – Клиент всегда прав! Лариска, сука, обидела моего друга, Кадия. За это теперь расплачивается. У нас серьезная «фирма». Кто рыпнется, в момент башку отвернем. Я...

В этот момент в дверь позвонили.

– Сашка с Ингой с заказа вернулись, – сообразил Полухин и важно распорядился: – Петя, открой!

Он снова разинул рот, собираясь продолжать прерванный монолог, но вдруг подавился фразой. В прихожей послышался звук удара, сдавленный стон, и в комнату, вышибив головой дверь, влетел Петька. Следом вошли шесть крепких парней с оружием на изготовку и вместе с ними белый, словно мел, Сашка с Ингой.

– Всем сидеть! – приказал Мирон. – Не искушайте судьбу! Ты главный сутенерище? – спросил он, ткнув дулом автомата в грудь Полухина.

– Кто вы такие? – попробовал возмутиться Володя. – Я «под крышей» у Кадия!

Сутенер хотел сказать что-то еще, но, получив жестокий удар прикладом в лицо, рухнул на пол.

– Этого козла в машину, – распорядился Савицкий, – охранников связать, а телки пусть катятся отсюда.

Когда все было сделано, Слава направился к двери, но неожиданно замер, услышав из маленькой комнаты приглушенный стон. Заглянув туда, он обнаружил голую, исполосованную ремнем девушку, прикованную за левую руку к батарее.

– Господи, что это?! – прошептал пораженный Савицкий. – Вот сволочь!

– Кто там прикован? – вернувшись в большую комнату, прошипел он в лицо перепуганным охранникам.

– Лариса, она Кадия обидела, – ответил пришедший в себя Петя.

– Ключи от наручников, живо!

– В кармане у Володи!

«Отблагодарив» услужливого Петю мощным пинком под ребра, Слава освободил девушку, разыскав в шкафу женские вещи, предложил одеться. «Враги Кадия – мои друзья, – рассуждал про себя бандит. – Да и жаль девчонку!»

Лариса, в свою очередь, не понимала, что с ней происходит. Забитая, затравленная, измученная голодом и непрерывными издевательствами Полухина, она была словно в густом тумане. Что нужно этим людям? Куда ее увозят? Может, опять к Кадю?

– Нет!!! – безумно вскрикнула она, пытаясь бежать, но ослабевшие ноги подогнулись, и девушка упала на пол.

– Не бойся, девочка! – на удивление мягко сказал Мирон. – Мы не обидим тебя!

– Совсем плоха! – заметил Кирилл. – Пусть выпьет чего-нибудь, успокоится!

Мирон достал из бара бутылку мартини, налил ей в бокал.

– Пей! – словно больного ребенка, уговаривал он дрожащую проститутку. – Лучше будет!

Лариса послушно выпила и действительно скоро ощутила, как в тело возвращаются силы.

– Кто тебя бил? – услышала она вопрос. Голос доносился глухо, будто сквозь вату.

– Бил Володя, – механически ответила девушка, – а Петя все время насиловал!

Ни слова не говоря, Мирон подошел к злополучному Пете, рывком поставил на ноги и страшным ударом разбил мошонку.

– Теперь, говно, тебе не до траханья будет, – удовлетворенно сказал он. – А Вовочкой мы после займемся!

– Где ты живешь? – спросил у Ларисы Савицкий, когда они вышли на улицу.

– Нигде!

– Гм, дела... – Слава на мгновение задумался. «Куда ее девать? Здесь оставить? Жалко! Все же человек, к тому же враг Кадия!»

– Ладно, – наконец решил он. – Кирилл, вот ключи, отвези ее ко мне домой. Потом решу, что с ней делать! И смотри, – прошептал Слава Кириллу на ухо, – не обижай девчонку!..

Полухин, зажатый в машине между двумя широкоплечими парнями, трясся от страха. На улице заметно стемнело. «Девятка», в которой он находился, неслась по пустынному шоссе, держась в хвосте черного «БМВ» Савицкого. Все молчали. Только когда показался пост ГАИ, Володя почувствовал, как в бок впилося острие ножа, и услышал зловеющий шепот: «Не вздумай орать, кишки выпущу». Проехав пост, обе машины увеличили скорость. Один из парней закурил.

– От этого подонка воняет, как отдохлой коровы, – пояснил он приятелю. – В машине дышать нечем!

Приятель захохотал.

– Ты, сутенеришка, когда-нибудь моешься? – не поворачивая головы, поинтересовался сидевший за рулем детина.

– Куда вы меня везете? – осмелился спросить Полухин.

– Приедем – узнаешь. Недолго осталось!

Вдали показалось кладбище. Сутенер жалобно взвыл. Немного не доезжая до главного входа, обе машины свернули в небольшой лесок, находившийся на противоположной стороне дороги. Углубившись в него метров на триста, шофер заглушил мотор.

– Вылазь, покойничек! – предложил он Полухину. Выбравшись наружу, Володя тут же получил удар по шее, швырнувший его на землю лицом в грязь.

– Где Кадий? – спросил Савицкий, когда сутенер с трудом поднялся на ноги. – Домашний адрес мы знаем, загородный дом тоже! Где он еще может быть? Не знаешь?! Освежите ему память!

Мирон небрежно полоснул ножом. Из рассеченной щеки Полухина обильно полилась кровь.

– Вспоминай, сука, или убьем! – Болезненный удар ногой в живот сложил сутенера пополам. Он понял – действительно убьют, закопают где-нибудь в лесочке. Но Кадий! Этот не про-

стит. Впрочем, Кадий далеко, может, успеет сбежать, авось не найдет! Сейчас же угроза смерти вполне реальна.

Володя тоскливо огляделся. Мрачные темные стволы деревьев, сквозь ветви которых с трудом пробиваются лунные блики. Под ногами толстый ковер пожухлых опавших листьев. Безжалостные лица обступивших его бандитов. Холодный блеск лезвия финки. Теплая липкая кровь на лице. Удар кулаком по почкам мгновенно вывел Полухина из состояния задумчивости.

– Ребята, не убивайте! – зачастил он и, как из пулемета, выпалил адрес дачи Седого, местонахождение любимой сауны Кадия.

– Это все?! – угрожающе ощерился МIRON.

– Да, да, клянусь, только не убивайте!

– Почему это «не убивайте»? – насмешливо спросил Савицкий. – Зачем ты нам нужен?

– Я буду работать на вас, сделаю все, что угодно!

– А в рот возьмешь?

– Да!!!

– Паскуда, – скривился МIRON. – Давай его действительно завалим?

Савицкий отрицательно покачал головой.

– Не мели ерунды, – прошептал он, отведя МIRONа немного в сторону. – Осталась куча свидетелей!

– Да, действительно, – сразу остыл тот, – но до чего мерзкая личность!

– Дай ему разок по яйцам, и пусть катится, – предложил Слава.

Безжалостный удар заостренного носка ботинка превратил окружающий Полухина мир в пучину боли. Очухался он лишь через полчаса. Бандиты давно уехали. Володя стал на четвереньки. Разбитый пах нестерпимо ныл. Лицо покрывала густая маска перемешанной с грязью крови. Полухина начало тошнить. Снова и снова вырыгивал он содержимое желудка, стонал, хрипел. К рези в мошонке прибавилось удушье...

Сутенер добрался домой лишь под утро, полуживой от боли, перемазанный грязью, кровью и блевотиной. Включив свет, он увидел сидящую в кресле темную фигуру. Полухин с ужасом узнал Кадия.

– Привет, Вова, – прошипел тот. – Рассказывай, падло, как сдал Седого.

Пораженный сутенер залепетал нечто несусветное.

– Все ясно! – не дослушав, поднялся со своего места Кадий. Последнее, что увидел в этой жизни Полухин, было ослепительно блеснувшее лезвие ножа. Затем его тело, булькая кровью из перерезанного горла, медленно сползло на пол. Глава «фирмы интимных услуг» был мертв.

Глава 7

Появлению Кадиева в квартире Полухина предшествовали следующие события. Ровно через час после допроса сутенера шесть боевиков под командованием Мирона ворвались в сауну. Кадий сегодня запоздал, чем спас себе жизнь. Ребята Савицкого уехали ни с чем. Позволив банщику, чтобы заказать ужин и парилку на высшем уровне, Алексей с ужасом услышал о приезжавших по его душу убийцах. Банщик, по счастью, оказался надежным человеком, не выдал. Под дулом автомата клялся со слезами на глазах, будто ничего не знает, умело изображал простофилю. «Ей-Богу, ребята! – скулил он. – Кадий был три дня назад, а когда появится снова, неизвестно!» Мирон поверил, почти. На всякий случай оставил пару ребят в засаде, но они просидели всю ночь впустую. Осторожный Кадиев, предвидя подобный ход, в баню не поехал. Мечась по комнате, словно волк в клетке, он пытался сообразить, какая сволочь его подставила, выдала адрес! Кто-нибудь из его ребят? Навряд ли. Все крепко повязаны круговой порукой, побоятся идти к Савицкому, он их не помилует! Но кто же тогда, черт возьми! Пока Кадиев мучился в бесплодных размышлениях, восемь человек во главе с Савицким осторожно окружили дачу Седого. Тот в это время сражался с двумя приятелями в преферанс. Седой проигрывал. Раздраженно подсчитывая убытки, он непрерывно курил, время от времени прихлебывая из стакана дорогой коньяк.

Услышав шум подъехавших машин, Седой решил, что это кто-нибудь из своих, и обрадовался возможности прервать неудачную партию.

– Наверное, Кадий, – сказал он ребятам, поспешно смешивая карты. – Открой, Саша!

Сдавленный стон, послышавшийся из прихожей, моментально подбросил его с места. Нашупывая в кармане пистолет, Седой нырнул под стол, как выяснилось, очень своевременно. Длинная автоматная очередь, пройдясь по комнате, превратила мебель и зеркала в груды обломков, а третьего партнера по преферансу, не такого расторопного, как Седой, в окровавленный труп. Не вылезая из-под стола, Седой несколько раз выстрелил в направлении двери. Кто-то вскрикнул, и ливень пуль снова обрушился на комнату. На этот раз стреляли из трех автоматов. Безжалостный шквал визжащего свинца прошупывал все уголки помещения и наконец забрался под стол. Почувствовав, как пули разрывают его тело, Седой дико закричал. Огонь прекратился.

– Вроде попали, – неуверенно произнес незнакомый молодой голос.

– Подожди, не лезь на рожон! – посоветовал другой, судя по всему, более опытный.

– Чего ждать, готов он, – не согласился первый собеседник.

Умиравший Седой злобно усмехнулся, сжимая в холодеющей ладони рукоятку своего «ТТ». Под стол заглянула бритая голова двадцатилетнего парня. Он не успел раскатыться в собственной неосторожности. Точно пущенная пуля раскроила череп, отшвырнув его обладателя назад к двери.

– Живой, сука! – крикнул кто-то, и брошенная граната превратила Седого в бесформенный кусок мяса.

Запалив дом, боевики Савицкого уехали, прихватив с собой двух убитых товарищей. Еще через час к догорающим обломкам подъехали четыре машины, до отказа набитые ребятами Кадиева. Увидев, что случилось, Кадий зарычал в бессильной ярости. Покойник Седой являлся одной из ключевых фигур в банде. Кадю сразу стало ясно, кто мог дать наводку. Проклятый сутенер! Только он, кроме Кадиева и убитых вместе с Седым ребят, знал этот адрес. Не мешкая ни минуты, Алексей направился к Полухину домой.

...Несмотря на удачное завершение карательной экспедиции, а ликвидация Седого оказалась поистине огромным успехом, Савицкий вернулся домой в прескверном настроении.

Было жаль погибших парней, в особенности Грача. К тому же Слава вдруг понял – начавшаяся кровавая война зашла слишком далеко. С Кадием сразу покончить не удалось – теперь резня надолго затянется.

– Уйди, толстопуз! – сердито прикрикнул он на кота, вышедшего к дверям встречать хозяина. – Не до тебя сейчас.

Подойдя к холодильнику на кухне, Савицкий налил полстакана водки и залпом выпил. Внезапно он понял, что в квартире, кроме него, еще кто-то есть. «Сюда добрались, сволочи», – яростно подумал Слава и, передернув затвор «макарова», осторожно двинулся к комнате, сквозь полуоткрытую дверь которой падала в коридор полоска света. Ворвавшись в помещение, он раздраженно чертыхнулся и спрятал пистолет. Вместо присланных Кадием убийц на него смотрела круглыми от ужаса глазами сегодняшняя девица, съежившаяся в углу дивана.

– Извини, – буркнул Слава, – я совсем забыл, что ты здесь. Да не бойся ты, – добавил он, заметив дрожь, сотрясавшую тело девушки. – Тебе не причинят зла. Враги Кадия – мои друзья!

– Что вы со мной сделаете? – жалобно спросила Лариса. Последнее время ей приходилось сталкиваться только с подлецами. Поэтому девушка не смела верить, что угрюмый крепыш спас ее из рыцарских побуждений да из ненависти к Кадиеву. Наверняка потребует расплатиться натурой!

Савицкий тем временем внимательно изучал лицо Ларисы, бледное, заострившееся, с запавшими глазами, вокруг которых залегли темные круги. «Действительно, куда ее девать? – думал он. – Не себе же оставлять, в конце концов. Девчонке здорово досталось. Дрожит вся в лихорадке. Наверное, раны воспалились плюс нервное истощение».

– Раздевайся, – решительно сказал Слава. Лариса вздрогнула. «Так и есть, этот не лучше других», – горько подумала она и медленно стянула одежду.

Савицкий подошел к письменному столу, вынул из верхнего ящика какую-то мазь и тщательно смазал вздувшиеся рубцы на теле девушки.

– Теперь одевайся! Что, дурочка, – неожиданно добродушно усмехнулся он, – думала, трахать буду?

Девушка, всхлипывая, кивнула.

– У тебя приятная фигурка, но я не садист, посмотри сама, на что ты похожа, едва душа в теле держится! Однако, что с тобой дальше делать, разрази меня гром, не знаю! Ладно, потом придумаем. Пошли ужинать!

На кухне Савицкий быстро сварганил яичницу, нарезал ломтиками колбасу, свежие помидоры, достал из холодильника графин водки. После ухода жены его меню не отличалось разнообразием. Девушка глотала торопливо, почти не жуя, как изголодавшийся зверек. Славе есть не хотелось. С жалостью глядя на Ларису, он выцедил полстакана водки, зажевал куском колбасы.

– Довели тебя, бедолага, – сочувственно произнес он, закуривая сигарету. – Выпей водки, полегчает. Откуда сама? – спросил Савицкий, когда Лариса выпила, и, выслушав ответ, удивленно присвистнул: – Далек тебя, девочка, занесло! Знаешь, – вдруг оживился он. – Я, кажется, придумал. У меня «под крышей» несколько коммерческих палаток, в одну требуется продавщица. Устроит? Великолепно, а где жить – придумаем.

– Зачем вы все это для меня делаете? – робко спросила девушка.

– Не знаю! – честно ответил Слава. – Может, из ненависти к Кадю, а может... Не знаю. Да какая тебе разница! Ложись спать, поздно уже...

Пока горящий жаждой мщения Кадиев лично поджидал злополучного сутенера, Валера с пятью боевиками отправился охотиться на ребят Савицкого. Своей целью они избрали ночной бар, находившийся «под крышей» банды Славы. Несмотря на позднее время, в заведении кипела жизнь. Из приоткрытых окон доносились звуки музыки, взрывы смеха. Подойдя к одному из них, Валера заглянул внутрь. Так и есть, среди веселящейся молодежи находились

двое людей Савицкого, к сожалению, рядовые пешки. «Ладно, – подумал Валера, – на безрыбье и рак рыба!»

– Подождем, когда выйдут, – повернулся он к своим. Одним из сидевших в баре Славных людей был небезызвестный Малюта, второго, помоложе, звали Витя. Вернувшись после неудачного наезда на сауну, они решили расслабиться.

Малюта с Витей не знали о двух своих товарищах, погибших сегодня от пуля Седого. Не знали они и подробностей ужасной смерти Виталика, которые предусмотрительный Савицкий не спешил доводить до сведения рядовых исполнителей, опасаясь их деморализации. Поэтому ребята пребывали в хорошем настроении. Ощущавший себя героем крутого гангстерского боевика, переполненный чувством собственной значимости, Витя важно поглядывал на окружающих. Он работал в банде всего три месяца, в крупных делах не участвовал. Пока собирал дань с коммерческих палаток да пару раз ездил на мирные «стрелки»¹³. Поэтому сейчас, побывав в настоящей боевой операции, пусть даже закончившейся безрезультатно, он находился на вершине блаженства. Витя потрогал за пазухой кобуру пистолета. Как лихо ворвался он в числе первых в баню, потрясая оружием! Жизнь «джентльмена удачи» парню определенно нравилась. Быстрая музыка сменилась медленным танцем. Поднявшись из-за стола, он пригласил знакомую девушку, плотно прижал к себе. Когда девчонка, ощутив под его курткой оружие, испуганно вздрогнула, Витя самодовольно усмехнулся. Знай наших!

Малюта танцевать не пошел и, по-прежнему сидя за столом, лениво прихлебывал сухое вино. Тихая музыка расслабляла, настраивала на добродушный лад. «Пора домой, – думал он, – мать небось с ума сходит, при ее больном сердце это ни к чему». Однако в баре было так уютно, что не хватало сил подняться, выйти в темноту на пронизывающий до костей холодный осенний ветер. Свою машину Малюта оставил на стоянке – придется тащиться пешком. Витя по молодости лет был вообще «безлошадным». «Эх, ладно, пора, – вздохнул Малюта. – Надо идти, иначе до утра не выберусь».

– Витек, закругляйся, завтра рано вставать! – окликнул он товарища. Тот, с неохотой оставив девушку, направился к выходу. Отворив дверь, Витя шагнул на улицу, с наслаждением вдохнул прохладный ночной воздух. Неожиданно прямо перед глазами полыхнуло пламя. Грохота выстрела парень не услышал, боли не почувствовал. Крупнокалиберная пуля, метко выпущенная Валерой, разорвала сердце. Шедший следом Малюта услышал выстрел, увидел, как Витя медленно заваливается на бок, и, мгновенно оценив ситуацию, ничком бросился на мостовую. Вслед ему полоснула автоматная очередь – одна из пуль задела плечо. Морщась от боли, Малюта откатился в сторону, стреляя наугад в темноту. Затем вскочил на ноги и, петляя, как заяц, ринулся в ближайшую подворотню. Вслед засвистели пули, затопали ботинки преследователей. Забежав в глухой темный двор, он, тяжело дыша, укрылся за мусорными ящиками.

– Должен быть где-то здесь! – тихо сказал чей-то голос.

– Удрал небось, – ответил другой. – Но я его задел, далеко не уйдет!

– Попробуем взять живым?

– Нет уж, дудки, – возразил третий, – это здоровый бугай. Хватит с Кадия одной головы.

– Андрюха, погляди за помойкой, – приказал первый, который, судя по всему, был у них главный. Малюта услышал приближающиеся осторожные шаги. «Пропал, – отчаянно подумал он, – эх, мама, мама!»

– Тут ничего нет, – неуверенно сказал тот, которого звали Андреем.

– Гляди лучше, – рявкнул Валера.

Шаги снова стали приближаться. Малюта съежился между ящиками, с отвращением вдыхая запах помойки. Когда кадиевец, по-прежнему не замечая его, достаточно приблизился, вконец отчаявшийся Малюта неожиданно выскочил прямо перед ним и сделал молниеносный

¹³ Встречи между преступными группировками, на которых выясняются отношения.

выпад ножом, целясь в горло. Удар пришелся точно. С предсмертным хрипом парень свалился на землю.

– Что случилось? Где ты, Андрей? – раздался голоса. Поняв, что таиться больше не имеет смысла, Малюта выстрелил несколько раз в своих преследователей и снова упал на землю, как можно быстрее отползая в сторону. Длинная автоматная очередь безжалостно изрешетила помойку. Одна из пуль почти впритирку прошла рядом с головой. Ориентируясь по вспышкам, Малюта выпустил туда всю обойму, полез в карман за запасной, но ее там не оказалось: очевидно, выпала во время бегства. Тогда, собрав остатки сил, он пригнулся к земле и побежал к ближайшему подъезду. Вслед загревели выстрелы. Что-то обожгло икру. Нога сразу одеревенела, но пока с грехом пополам слушалась. Оказавшись внутри здания, Малюта, спотыкаясь на грязных, скользких ступенях, ломанулся вверх по лестнице. Преследователи не отставали, правда, теперь действовали с оглядкой. Сегодня ему везло: света в подъезде не было, и они не знали, что у Малюты кончились патроны. Чердак оказался открыт. Почти теряя сознание от все усиливающейся боли, парень вскарабкался по железной лестнице наверх, с грохотом захлопнул крышку тяжелого люка и отвалился в сторону, хрипло дыша. Из-за потери крови его тошнило, голова кружилась. Внизу, на лестничной площадке, раздавались приглушенные голоса. Очевидно, кадиевцы обсуждали, что предпринять дальше. Наконец Малюта услышал, как кто-то осторожно толкает снизу крышку люка. Отойдя немного в сторону, он вынул из штанов ремень и затаился. Крышка приоткрылась. Сперва в проеме появилась рука с карманным фонариком, затем голова. Кадиевец смотрел в противоположную сторону. Недолго думая, Малюта накинул ему на шею импровизированную удавку и резким рывком втащил брыкающееся тело наверх. Парень захрипел, извиваясь. Тогда Малюта мощным боковым ударом послал его в глубокий нокаут. Обыскав одежду, с радостью обнаружил заряженный пистолет. Теперь он им так просто не дастся. Попробуйте, гады, возьмите! Очевидно, преследователи пришли к подобному же выводу. Немного посоветовавшись, они двинулись вниз по лестнице. На всякий случай Малюта просидел на чердаке еще полтора часа. За это время он кое-как перевязал свои раны обрывками рубашки, крепко скрутил найденной поблизости проволокой пленного боевика, заткнул ему кляпом рот. Потом осторожно спустился вниз. Убедившись, что враги уехали, Малюта добрался до ближайшего телефона-автомата и позвонил Мирону.

– Попался, значит, гондон, – цедил сквозь зубы МIRON, пристально разглядывая связанного кадиевца. Допрос происходил в заброшенном подвале, в свое время переоборудованном покойным Грачом под «качалку». Кроме МIRONа, здесь находились еще Кирилл и «осторожный» Юра Воронов. Савицкого звать не стали: опять все карты спутает своим дурацким гуманизмом.

– Где прячется Кадий? – вдруг зарычал Кирилл, схватив парня за подбородок. – Говори, падло, или замочим.

– Не знаю, – прохрипел пленник, – он нам сам звонит.

– Врет, козел, – задумчиво сказал Юра. – Нужно прочистить ему мозги.

– Отличная идея! – МIRON извлек из кармана целлофановый пакет, надел его на голову парня, стянув края на шее так, чтобы прекратить доступ воздуха. Через некоторое время связанное мускулистое тело начало извиваться в конвульсиях, как вытасненная из воды рыба. МIRON прекратил пытку. Багровый от прилившей к голове крови, пленник жадно хватал ртом воздух.

– Где Кадий?! – повторил вопрос Кирилл.

– Да не знаю я, садисты, сволочи!

– Садисты? – удивился МIRON. – Это мы-то?! Знаешь, щенок, что твой Кадий с одним из наших сделал – такой же, кстати, как ты, молодой был? Пытал расплавленным свинцом, а затем живым замуровал в цемент!

Кадиевец угрюмо молчал. Что можно на это возразить? Он не принимал участия в зверском убийстве Виталика, но подробности знал. По правде сказать, его самого покорила чрезмерная жестокость шефа. Но разве объяснишь это сейчас своим врагам! К тому же не хотелось унижаться. Он стиснул зубы, готовясь к мучительной смерти.

Мирону пленник понравился, потому что в отличие от Полухина не унижался, не вымаливал пощады. Помимо этого, Мирон понял: парень действительно ничего не знает. Если рассудить здраво – Кадий не такой дурак, чтобы давать рядовому «шестерке» координаты своей тайной берлоги. Они известны двум-трем людям, с остальными Кадиев связывается сам. Эх, проклятье, почему не захватили живым Седого? Но как быть с этим мальчишкой? Убить? В схватках Мирон стрелял, не задумываясь и не дожидаясь, пока противник вытащит оружие. Сейчас же предстояло прикончить связанного беспомощного человека, и пользы это никакой не принесет. Рядовой бык, таких вокруг пруд пруди. Кадий быстро отыщет замену. Наклонившись, Мирон развязал пленника.

– Вали к своему Кадю, передай – пусть вешается! – устало сказал он.

Олег, так звали освобожденного пленника, медленно брел по улице. Близилось утро, и ночная темень постепенно превращалась в серый полумрак. Два помятых мужика, терзаемых ранним похмельем, затаривались в ночной коммерческой палатке. Олег недоумевал, почему его отпустили. Мирон ошибся. Парень знал одну из берлог Кадия, но решил молчать до конца. Ему не хотелось становиться предателем. Вместе с тем странная гуманность враждующей банды ошарашивала. Кадиевцы бы ни за что не отпустили живым пленного, даже рядового боевика...

Рядом притормозила машина. За рулем сидел Валера, на заднем сиденье развалился Кадий, полчаса назад прирезавший Полухина.

– Откуда ты взялся? – удивился Валера и распахнул переднюю дверцу. – Садись!

Машина выехала на шоссе и понеслась в противоположную от города сторону.

– Где был?! – хрипло, зло спросил Кадий. Олег честно рассказал все.

– Отпустили живым? – удивился Кадиев. – Ты им ничего не сказал, и они отпустили?!

В душе его зашевелилось ядовитое подозрение. «Что за чушь! Мирон отпустил пленного, который, ко всему прочему, не раскололся! Невозможно! Наверняка шенок выложил адрес Маринкиной квартиры. Придется линять оттуда. – Кадий в ярости заскрипел зубами. – Уютное было местечко. Проклятый иуда!»

– Притормози у обочины, отлить хочу, – сказал он Валере.

Неожиданно Олег почувствовал, как тонкий шелковый шнурок намертво перехватил горло. Он забился в судороге, безуспешно пытаясь высвободиться. Через пару минут все было кончено. Кадиев знал свое дело. Мертвое тело оттащили в ближайший овраг, закидали листьями. Валера предложил закопать, но Алексей презрительно отмахнулся.

– Ни к чему возиться! Если найдут, подумают на Савицкого, нам же лучше!

Когда отъехали от места происшествия километров пять, Кадиев попросил еще раз остановиться. Не спеша достал из-под сиденья бутылку, сделал прямо из горлышка несколько крупных глотков, жадно закурил сигарету.

– Мы недооценили Савицкого, – сказал наконец Кадий, выкинув окурок в окно. – Думали, тюфяк, белоручка, а на самом деле у него волчья хватка! Сколько наших на тот свет отправил!

– Ты предлагаешь сдаться? – криво усмехнулся Валера.

– Не выйдет, пути назад нет! Есть другая идея. На месяц все, даже рядовые «шестерки», мотаем из города. Допустим, на юга. За это время все утихнет, Слава расслабится. И тогда-то мы возьмем его тепленького! Усвоил?!

– Отличная мысль, – восхитился Валера. – Отдохнуть действительно не помешает.

Глава 8

Кадиевцы исчезли, словно в воду канули. Три недели в Северном районе Н-ска царили тишь да благодать. Кое-кто из ребят уже праздновал победу. Савицкого, однако, терзали смутные подозрения. Больно быстро сдался Кадий, не похоже это на него. В то же время ему здорово прижали хвост: за несколько дней выбили более половины банды, в том числе трех старых «соратников» – Стрижа, Енота и Седого. Может, правда, перетрусил, подался в бега, как в свое время из родного города. Дай-то Бог! Не разрешив для себя полностью этой проблемы, Савицкий принялся за текущие дела, заброшенные во время военных действий. Мир это или перемирие? Неизвестно! В любом случае передышка оказалась весьма кстати.

На повестку дня встал вопрос банды Егорова. Савицкий всегда проводил жесткую «колонизальную политику». В Северном районе, помимо его собственной, обитало несколько мелких банд, но все они подчинялись Славиной бригаде и существовали как бы на правах автономии. Пожалуйста, трясите коммерсантов, ездите на «стрелки», но предварительно будьте любезны поставить в известность, если хотите называть себя «северными». Савицкий поступал так не из барской прихоти, а из трезвого расчета. В глазах всего Н-ска Северная бригада ассоциировалась с его именем, и за любые действия могли спросить именно с него. Егоровцы называли себя «северными», но власти Савицкого не признавали. До сих пор, загруженный до предела другими, более важными делами, он не обращал на них внимания, тем более что банда была молодая, едва встававшая на ноги. Имели несколько точек в центре города, в Северный район приезжали только спать. Пес с ними!

Но вчера произошла неприятность: Славе позвонил главарь Южной бригады по кличке Маршал.

– Распустил ты, Слава, своих ребят, – после обмена обычными любезностями с укором сказал он.

– Что? Расскажи подробнее!

Суть дела заключалась в следующем: некий коммерсант по имени Лева, находившийся «под крышей» у Егорова, любил корчить из себя блатного, наверное, оттого, что когда-то просидел несколько лет за мошенничество в лагере общего режима. Лева досталась непыльная, доходная должность заведующего каптеркой. Поэтому он не хлебнул даже десятой доли тягот «заборной жизни», но зато переполнился уголовной романтикой. Гуляя в ресторане, он случайно повздорил с ребятами из Южной бригады.

– Мы «северные», мы вам покажем, – вопил подвыпивший Лева, распустив пальцы вее-ром. – Хотите, забьем «стрелку»¹⁴? О'кей, в субботу на шоссе около памятника.

– Понятно, – заскрипел зубами обозленный Савицкий. – Вот что, Маршал, это не мои ребята, но я примерно догадываюсь, кто! Оборзели, сявки! Тут из-за проклятого Кадия совсем про них забыл. Ты на «стрелку» не езжай, я сам с ними разберусь, – немного успокоившись, добавил он.

– Отлично! – обрадовался Маршал. – А что там у вас с Кадием?

– Слышал небось?

– Конечно, слышал! Столько крови пролили! «Воры»¹⁵ недовольны. Газеты кричат о разгуле преступности, менты шмонают¹⁶ подряд все машины, хватают кого ни попадя.

– Что я мог поделаться, Кадий первый начал, мне самому в спину стреляли, едва жив остался!

¹⁴ Сноска Назначим встречу для выяснения отношений.

¹⁵ Имеются в виду «воры в законе» – высшие авторитеты преступного мира.

¹⁶ Обыскивают.

- Да, понимаю, где он сейчас, не знаешь?
- Если б знать!
- Ладно, Славка, удачи тебе и будь осторожен, Кадиев – большая сволочь!

Константин Егоров имел о своей персоне весьма высокое мнение. С детства занимался спортом: боксом, карате, потом увлекся культуризмом. При помощи специальных таблеток Костя накачал огромные мышцы, которыми невероятно гордился. Сейчас, как обычно по вечерам, он находился в спортзале вместе со всей своей бандой, в которой состояло, кроме него, шесть человек. Остальные ребята тоже были спортсменами. Во главу угла Егоров всегда ставил физическую силу. Тяжело отдуваясь, он выжимал из положения лежа двадцатикилограммовую штангу, любуясь краем глаза, как перекачиваются раздутые грудные мышцы. Остальные занимались кто чем. Трое тоже качались при помощи гирь и тренажеров, а двое, надев боксерские перчатки, лениво обменивались ударами: работали главным образом на технику, не нанося сильных ударов. Закончив упражнение со штангой, Егоров тяжело поднялся, полотенцем вытер обильно струившийся по массивному телу пот.

- Вася, – позвал он одного из спаррингующихся, – давай теперь со мной.

Парень весил килограммов на сорок меньше Кости, но это его не смущало, наоборот, радовало. При равной примерно технике дополнительный вес гарантировал верную победу. Болезненно самолюбивый, Егоров терпеть не мог проигрывать на тренировках и всегда старался выбрать противника послабее. Не осмеливаясь спорить с шефом, Вася тяжело вздохнул и принял боевую стойку.

- Не волнуйся, – снисходительно утешил его Костя. – Сильно бить не буду!

Егоров беззастенчиво врал. В спаррингах он старался ударить побольнее, объясняя потом, что это самые легкие его удары и если он двинет по-настоящему – мокрое место останется. Костя двигался медленно, тяжеловесно, прикрывая только голову. В пах и ниже на тренировках не били, а заросшее мышцами туловище выдерживало без проблем легкие Васиные удары. Один из них, однако, оказался довольно болезненным. Покраснев от злости, Егоров, как танк, двинулся вперед, безжалостно лупцуя маленького, худощавого противника.

Послышались аплодисменты. Костя удивленно оглянулся. Сидя на лавочке в углу зала, Мирон лениво хлопал в ладоши, скептически улыбаясь при этом. Никто не заметил, когда он вошел.

– Молодец, прямо Ояма! – похвалил Мирон, но в голосе его чувствовалась изрядная порция сарказма.

- Чего нужно? – хмуро буркнул Егоров, узнав одного из приближенных Савицкого.

– Смотрю я на вас и думаю, почему такие крутые ребята не с нами работают? – прежним тоном продолжал Мирон. – Как Слава без вас существует, непонятно!

- Чего ты хочешь?! – Уловив наконец издевку, Костя с трудом сдерживал ярость.

– Я?! – искренне изумился Мирон. – Я-то ничего не хочу, а вот ты, как мне кажется, просто горишь желанием объяснить похождения своего приближенного барыги в Южном районе, рассказать, как вы забиваете «стрелки» от имени Северной бригады.

– Нечего тут объяснять! Мы тоже здешние... Забиваем «стрелки» от своего имени и ни перед кем отчитываться не обязаны!

– Вот как? – помрачнел Мирон и ледяным тоном добавил: – Известно ли тебе, блатная сыроежка, что Северную бригаду возглавляет Слава, что своими действиями вы бросаете тень на его имя?

- Мы сами по себе, а ты, если будешь много борзеть, по морде схлопочешь.

– По морде, фи, как пошло! – Глаза Мирона сузились, а голос зазвучал со змеиной ласковостью: – Давай, покойничек, попробуй!

Егоров побледнел. При всей своей нахрапистости Костя не отличался особой храбростью.

– Завтра мы встретимся с «южными», решим проблему...

– Нет, – резко оборвал Мирон, – «проблему» решать будете с нами, если, конечно, ты сейчас не передумаешь, не поедешь со мной к Савицкому, не извинишься, не применишь его условия...

– Ни за что! – окрысился Егоров. – Мы самостоятельная бригада. Слава мне не указка! – Оскорбленное самолюбие затуманило Косте разум. Ему смеют угрожать, пусть даже в завуалированной форме, ему, Егорову, который раза в три здоровее этого рыжего сморчка. И это на глазах его ребят. Может, с глазу на глаз он оказался бы сговорчивее, но присутствие подчиненных распалило Костину гордыню.

– Встретимся с вами завтра в семнадцать ноль-ноль на пляже, возле лодочной станции, – торжественно объявил он.

– Хорошо, до встречи! – усмехнулся Мирон, неторопливо выходя из зала...

Егоров готовился к «стрелке» добросовестно. Произнес перед ребятами прочувствованную речь, в которой доказывал, что Слава ноль без палочки, что нужно прибирать власть в районе к своим рукам. Затем извлек из тайников припасенное оружие, которым, правда, до сих пор не пользовался. Арсенал, любовно собранный Костей, оказался внушительен: четыре автомата, три пистолета, полтора десятка гранат. В глубине души Егоров рассчитывал, что Слава, ослабленный войной с Кадием, увидев до зубов вооруженных бугаев, не пойдет на серьезный конфликт. Поболтают с часок да разойдутся. Авторитет же Кости, не испугавшегося самого Савицкого, подскочит на недостижимую высоту. Уже сейчас приходящие в зал малолетки глазеют на него с обожанием, как дикари на деревянного идола...

– Обнаглел наш Егор, – сказал Савицкий, выслушав доклад Мирона. – Я всегда подозревал, что он дурак!

Мирон неопределенно пожал плечами:

– Как сказать, стволов у них больше чем достаточно.

– Стволов! – презрительно скривился Слава. – Нужно еще суметь нажать на курок, а Егору этого до сих пор не приходилось делать.

– Всем когда-то не приходилось, до определенной поры, так что зря расслабляешься!

– Гм, – задумался Слава, – действительно, где-то ты прав. Что предпримем?

– Ребята Егора – не кадиевцы, у которых руки по локоть в крови. Но стрельбу с перепуга начать могут, обратной дороги потом не будет. Не хотелось бы их валить¹⁷, и так слишком много крови за последнее время...

Мирон неуверенно замолчал.

– Не пойму тебя! – разозлился Савицкий. – Чего темнишь?! Стрелять их тебе не хочется, мне, кстати, тоже, от встречи отказаться мы не можем, весь авторитет мигом рухнет, но нельзя и своих ребят под пули подставлять!

– Есть одна идея, – неожиданно улыбнулся Мирон. – Не будет пуль, а Егора проучим как следует!

Пляж, где должна была состояться встреча банд Савицкого и Егорова, подходил для подобной цели как нельзя лучше. Обширное песчаное пространство без единого кустика, только лодочная станция, закрытая в ожидании нового купального сезона, да гаражи, в которых отдыхали на приколе частные катера. Костя, несмотря на весьма ограниченный интеллект, все же понимал кое-что в вопросах тактики: служба в армии не пропала даром. Прибыв на место за два часа до условленного времени, он расположил своих людей на станции и крышах гаражей. Отсюда открывался удобный сектор обстрела и имелись укрытия для стрелков, ребята же Савицкого оказывались в крайне невыгодной ситуации: в центре пустого пляжа под

¹⁷ Убивать.

дулами автоматов. Восхищенный собственной полководческой мудростью, Егоров пребывал в отличном настроении. Теперь Савицкому деваться некуда! Придется разговаривать с Костей на равных, хотя, впрочем, нет, именно он, Егоров, будет теперь ставить условия мира. Это пока. Потом же, когда Савицкий с Кадиевым перережут друг друга, хозяином Северного района станет Егор. Он будет править железной рукой, как дон Корлеоне. Восхищенная Костиной крутостью молодежь пойдет за ним в огонь и в воду. Самые красивые местные бабы будут к его услугам. Костя не станет лично лезть под пули, как этот идиот Савицкий. Нет, достаточно лишь дергать за ниточки и управлять десятками послушных боевиков.

Время близилось к пяти. Со стороны реки подул холодный ветер. Он шуршал песком, гонял обрывки бумаги, норовил забраться к Косте под куртку. Егоров зябко поежился, пожалев, что не надел еще и свитер. «Почему не едет Слава, – раздраженно думал он, – неужели испугался?» Эта мысль сперва доставила огромное удовольствие, потом насторожила, а скоро привела в ужас. Что, если Савицкий, по методу Кадия, проигнорирует переговоры на высшем уровне, а просто начнет палить из-за угла? Может, уже сейчас по дороге домой их ожидает засада. Полоснут по машине из автомата, швырнут пару гранат, и дело в шляпе. Не помогут тогда любовно накачанные мышцы. Егоров ясно представил себя лежащим в гробу. Внизу живота появился противный холодок. Он взглянул на часы – десять минут шестого. Внезапно послышался рев мотора, и на пляж неторопливо въехала новенькая «девятка», в которой находился один Мирон.

– Опаздываешь! – буркнул моментально успокоившийся Костя, подходя к машине. – Где остальные?

– Около кладбища.

– Почему?! Договорились здесь!

– Беседа у нас будет долгой, много вопросов решить нужно, а скоро стемнеет, на пляже фонарей нет, да и грязно здесь, сыро.

– Я никуда не поеду! – насупился Егоров.

– Напрасно, мы хотели обойтись без трупов.

Костя почувствовал, как внутри у него полыхнул дикий восторг. Вот оно. Все предположения сбываются. Испугался Савицкий, хвост поджал. К кладбищу зовет! На пляж-то небось страшно выезжать, догадывается, какую встречу приготовил Егор.

Костя напыжился, выпятил колесом мощную грудь.

– Условия буду ставить я, – важно сказал он, сверкнув взглядом наподобие рассерженного Зевса.

Мирон в ответ лишь загадочно усмехнулся.

– Чего улыбишься? – еще более разгневался Костя. – Ты у нас в руках. Вот там и там, – ткнул он рукой, – сидят мои люди. Только дернись – пулю в лоб получишь! Кстати, что мне мешает взять тебя в заложники?

Мирон расхохотался, весело, от всей души.

– Дурак ты, Егор, – отсмеявшись, сказал он. – Думаешь, Слава не знал, почему ты это место выбрал? Не предпринял необходимых мер?! Гаражи и станция заминированы. Вот, – на свет появилась черная коробка, – нажму кнопку, и все взлетит на воздух!

Мирон блефовал. Никаких мин поблизости не было, однако он не сомневался, что Костя вряд ли захочет проверять правдивость его слов на собственной шкуре. Так и случилось. Егоров смертельно побледнел, ощутив, что миг превращается из охотника в загнанную дичь. На лбу выступил противный мелкий пот.

– Ладно, едем, – попытался сохранить он хорошую мину при плохой игре, но голос предательски дрогнул. Недооценил он Славу, ох недооценил! Теперь ни о какой «победе», ни о каких условиях не может идти и речи. Правда, Мирон говорил о мирной «стрелке», «без трупов», – эта мысль слегка подбодрила, хотя на душе все равно было мерзко. Стремительно

рухнувший план, казавшийся до сих пор вершиной тактического гения, непредусмотренный поворот событий абсолютно выбили Егорова из колеи, на что, кстати, и рассчитывали многоопытные Мирон с Савицким. Костя ощутил полную апатию, пустоту в голове и покорность судьбе. Вяло позвав своих людей, он велел рассаживаться по машинам и ехать к кладбищу. Удивленно переглядываясь при виде кислой физиономии главаря, совсем недавно важного и самоуверенного, ребята быстро побросали оружие в багажники. Только Вася положил автомат рядом с собой на сиденье, что тут же с неудовольствием отметил Мирон.

Между тем у ворот кладбища было все готово к встрече долгожданных гостей. Савицкий, в окружении трех приближенных боевиков, лениво облокотился на капот «БМВ». Человек двадцать рассыпались по кустам, готовые немедленно взять в кольцо машины Егорова. Тем временем стемнело.

– Задерживается Мирон, – задумчиво сказал Кирилл, прикуривая сигарету. – Как бы чего не вышло.

– Не каркай! – отрезал Савицкий, уже начавший терять терпение. – Егор не Кадий, кишка тонка!

– Как знать, – тихо пробормотал Кирилл. Он хотел добавить еще что-то, но, заметив нехороший блеск в глазах шефа, благоразумно замолчал.

– Вон они, наконец-то! – обрадовался Слава, разглядев вдалеке «девятку» Мирона, за которой следовали по пятам две машины с людьми Егорова.

Приблизившись, они затормозили. Спрятавшиеся до поры боевики немедленно выскочили из кустов, передергивая на ходу затворы автоматов. Все произошло настолько быстро, слаженно и четко, что ни Костя, ни его ребята не успели опомниться.

Только Вася потянулся было за автоматом, но в голову ему тут же уткнулось холодное дуло.

– Даже не думай об этом, – ехидно посоветовал Кирилл. Не искушая судьбу, Вася проворно отдернул руку. Костя понял, что влип, его плотное массивное тело взмокло от пота. Руки тряслись мелкой дрожью.

– Вылазьте наружу, в темпе, – приказал Савицкий. Первым выбрался из машины Егоров, и жесткий удар прикладом в лицо сбросил его на землю.

– У них багажники набиты оружием! Хотели валить нас, падлы! – раздались возмущенные крики.

На Костю и его людей обрушился град ударов. Никто не пытался сопротивляться. Безоружные, окровавленные, все семеро пластом лежали на грязной земле, пытаясь закрыть хотя бы головы. Так продолжалось несколько минут. Наконец избиение прекратилось.

– Подъем! – сказал Савицкий, слегка толкнув Костю ногой. – Побеседуем!

Егоров тяжело поднялся. На левой щеке вздувался огромный кровоподтек, из разбитого носа текла кровь, при каждом движении ребра пронзала острая боль.

– Ты опух, сямка! – дружелюбно улыбнулся Слава. – Забыл свое место. Из-за тебя мы чуть не поссорились с Маршалом, ты обещал набить морду Мирону, которому в подметки не годишься, назначил мне «стрелку». Что скажешь?

Костя молчал, хрипло дыша. Больше всего на свете он хотел сохранить жизнь, уехать домой, не остаться на этом проклятом кладбище, за версту пахнущем смертью.

– Язык проглотил?! – угрожающе надвинулся сбоку Кирилл, но Савицкий жестом отстранил его в сторону.

– Вот что, Егор, – немного подумав, продолжил он, – влиться ко мне ты не хотел, самостоятельно работать не можешь. Из глупости и самодовольства едва не угробил всех своих ребят. Представь, если б на моем месте оказался Кадиев. Вы бы уже все мертвецами были. – Слава глубоко затянулся наполовину истлевшей сигаретой, отшвырнул ее в сторону. – Поэтому, Костя, забудь о бандитизме, иди на завод, в колхоз, к черту на кулички!

Пока Савицкий произносил речь, его ребята тщательно обыскали поверженных противников, вытрясли из багажников оружие.

– Оно вам больше не понадобится, – вежливо пояснил Мирон и дал по пустым машинам длинную очередь. – Тачки¹⁸ тоже ни к чему, катайтесь на автобусах, – широко улыбнувшись, добавил он.

Бандиты Савицкого, погрузившись по машинам, уехали. Кое-кто помахал Косте на прощание рукой. К тому времени полностью стемнело. Ребята, охая, ощупывали руки и ноги, вытирали кровь. На Егорова никто не смотрел. Выглянувшая из-за тучи луна услужливо осветила место происшествия: изуродованные пулями автомобили, разбитые лица, изорванную, выпачканную в грязи одежду. Неподалеку завывала собака, ей ответила другая, потом третья. Становилось жутко. Костя всхлипнул. Еще вчера, преисполненный важности, суперкрутой, довольный жизнью, он враз лишился всего. Падение по причине своей полной неожиданности оказалось на редкость болезненным, как если бы человек, загорававший на морском берегу под ласковыми лучами солнца, попивавший в компании красивых девушек искрящееся холодное шампанское, вдруг провалился в непостижимым образом открывшийся канализационный люк. Егор всхлипнул еще раз.

– Слизняк, – сплюнул в его сторону Вася и, резко повернувшись, зашагал прочь. За ним последовали остальные.

¹⁸ Машины.

Глава 9

Начальник милиции Северного района Александр Иванович Татарinov получил от вышестоящего руководства суровый нагоняй, а вернее, такую нахлобучку, что в настоящий момент багровый, как рак, он, казалось, готов был взорваться, разнеся на части полгорода. Однако катастрофы не случилось. Постепенно багровый цвет начал переходить в обычный, красный, руки стали дрожать гораздо меньше, и, главное, он наконец снова обрел дар речи.

– Сокрушу, изничтожу!!! – завопил полковник в полной ярости. От мощного баса вздрогнули стены кабинета, а подслушивавшая перед дверью секретарша едва не хлопнулась в обморок.

– Всех разгоню к чертям собачьим, дармоеды, бездельники! – продолжал бушевать Татарinov, в спешном порядке собрав своих подчиненных. – Разжалую, в постовых сгною! Что творится в районе! Не знаете, олухи?!

«Олухи» скромно потупились. Всё они прекрасно знали, но у многих было рыльце в пушку, получали от бандитов деньги, другие же просто не желали стать очередными жертвами сцепившихся насмерть Кадия с Савицким. Поорав с полчаса и выпив полтора графина воды, начальник наконец пришел в себя.

– Ладно, я понимаю всю сложность ситуации, – примирительным тоном заговорил он. – Этих волков голыми руками не возьмешь, у каждого чистые документы, в голове по десятку алиби за день, свидетелей не сыщешь. Оружие на дому, естественно, не хранится. Но начальство, – при этом слове полковник вновь начал наливать краской, – оно ничего не желает слушать! В других районах преступные группировки, за исключением кавказцев, ведут себя более-менее тихо, у нас же горы трупов, середь бела дня стрельба на улицах. Короче, от нас требуют самых жестких, решительных мер, чтобы пресечь подобное безобразие. Какие будут предложения?

Сотрудники скорбно молчали.

– Время на размышление до обеда! – рявкнул полковник и нетерпеливым жестом приказал всем убираться. Подчиненные уныло разбрелись по кабинетам. Самым сообразительным из них оказался майор Матвеев. Благодаря этому качеству майор за долгие годы службы в органах ухитрился не получить ни одного взыскания и в скором времени рассчитывал на повышение в звании. Везучесть майора объяснялась просто. Дело в том, что он был великим специалистом по компромиссам. Быть может, в другой стране майор сумел бы стать честным, хотя бы относительно, полицейским, но здесь?! Несовершенное законодательство, прогнившая сверху донизу система и прочие «прелести» переходного периода. Кроме того, Матвеев был человеком неглупым, прекрасно понимавшим, что организованная преступность – неизбежное следствие развалившейся экономики, правовой незащищенности частного предпринимательства, голода, безработицы, разрухи, моральной деградации народа, у которого отняли веру в Бога, а вместе с ней и совесть, споили, растлили... Сейчас мафию не искоренишь силовыми методами, точно так же, как не вылечишь прокаженного хирургической операцией. Что оставалось делать майору? Изображать Дон Кихота? Нет уж, увольте! Матвеев был человеком практической складки, к тому же, являясь продуктом породившего его общества, не страдал избытком совести. В конце концов, можно уютно устроиться при любых обстоятельствах, что майор с успехом и делал. Он отлично знал Савицкого. Более того, оказывал ему кое-какие услуги, за которые получал приличную мзду. Можно арестовать Славу, разнообразными методами воздействия, а здесь наши правоохранительные органы успели приобрести огромный опыт, вышибить признание. А дальше? На место Савицкого придет другой. Возьмешь этого – явится третий... Так до бесконечности: свято место пусто не бывает. Помимо прочего, Матвеев отлично знал, что у Савицкого и многих ему подобных большие связи на самых различных уровнях.

Итак, если арестовать Славу, во-первых, лишишься хорошего источника дохода, во-вторых, можешь нажить крупные неприятности.

С другой стороны, нельзя игнорировать разъяренное начальство – попрут с работы в два счета. Так что же, безвыходная ситуация? Вовсе нет! Начальству необходимо кинуть кость, изобразить бешеную активность: несколько налетов на бары и дискотеки, провести поголовную проверку машин, арестовать двух-трех малолетних придурков, которых можно выдать за крупных мафиози.

Все свои соображения, естественно, за исключением полученных им взяток, Матвеев незамедлительно доложил полковнику. Татаринов задумался. Идея показалась отличной, но он ее расширил и дополнил: налеты лучше производить силами ОМОНа, точнее, тех ребят, что в черных масках. Им все до фонаря: лиц никто не видит – полная безнаказанность. Нашим же сотрудникам могут потом отомстить!

– Гениально! – восхитился Матвеев.

– Начинаем действовать немедленно, – рубанул кулаком по столу польщенный полковник...

Бар «Красный бык» представлял собой небольшое уютное помещение, отделанное деревом. Под потолком располагались декоративные светильники, пропускающие мягкий рассеянный свет. Звучала негромкая музыка. По причине высоких цен публика здесь собиралась солидная. В баре не бывало пьяных драк, битья посуды и луж блевотины под столами. Несколько мужчин в хороших костюмах тихо беседовали за своим столиком, неторопливо попивая апельсиновый сок и кофе со сливками. Неподалеку двое молодых коммерсантов оживленно обсуждали намечающуюся выгодную сделку. Три женщины, одна из которых привела с собой ребенка, решали обычные для своего пола проблемы. Мужчина средних лет с молодой подругой расположились неподалеку от стойки, наслаждаясь вкусным ужином, французским шампанским и изысканной беседой. Кроме того, присутствовал тут и залечивший раны Малюта со своей девушкой. В углу дремал осоловевший от безделья охранник. Он обленился настолько, что даже не ужинал, хотя ему и хотелось есть. Первые три дня после открытия заведения ему пришлось потрудиться, выкидывая на улицу распоясавшихся пьяниц. Потом наступила полная тишина. Окрестные хулиганы, узнав, что здесь можно запросто схлопотать по физиономии, предпочли бесчинствовать в других местах. Бандиты не совались, так как бар, расположенный на границе Северного и Южного районов, платил дань Маршалу. Если же совались, то вели себя тихо. Зачем безобразничать в чужих владениях, наживать неприятности?! Заведение процветало. Обычно оно заполнялось народом до отказа, но сейчас было еще рано. Никто не подозревал о приближающейся грозе.

В это самое время «гроза» в лице начальника группы «черных масок» толкала речь перед выстроившимися в шеренгу подчиненными:

– В связи с неслыханным разгулом преступности, буквально захлестнувшей город, мы вынуждены идти на крайние меры. Бандиты наглеют. На улицах стрельба. Они гребут колоссальные деньги, разъезжают на иномарках, развлекаются с красивыми бабами, жрут и пьют в лучших ресторанах. Вот ты, – начальник ткнул пальцем в грудь одну из «масок» по имени Коля Бугров: – Ты можешь позволить себе такую жизнь?

Коля насупился. Он не мог позволить себе ничего подобного. Приехавший из далекой, глухой деревни парень с завистью смотрел на элегантно одетых «буржуев», самым наглым образом катающихся в роскошных машинах с красивыми женщинами. Коля с удовольствием бы оказался на их месте, да не знал, каким путем этого достигнуть. Зависть перерастала в ожесточенную «классовую» ненависть.

– Быть может, сейчас, – с пафосом продолжал начальник, – какой-нибудь бандит или разжиревший капиталист трахает ту девушку, что могла составить твоё счастье, дает ей в рот...

Бугров, да и все остальные «черные маски» почувствовали прилив бешеной ярости, желание громить, лупить прикладами, давить коваными ботинками. Тем паче что возмездия можно не опасаться. Закон на их стороне, лиц никто не увидит. Ощущение полной безнаказанности подогревало не хуже коньяка.

– Цель сегодняшней операции – бар «Красный бык», где собирается много разной сволочи, – вешал командир. – Будем действовать по методу «бредня»: повальный обыск, безжалостное пресечение малейшего сопротивления. Затем доставим всех в отделение милиции... Даже если двинешь по ребрам не бандиту, а просто «буржую» – невелика беда, все они одним миром мазаны.

В «Красном быке» количество посетителей постепенно увеличивалось, усиливался гул голосов. Клубился сигаретный дым, быстро, впрочем, вытягиваемый хорошим импортным кондиционером. Неожиданно дверь распахнулась под мощным ударом. В помещение ворвались здоровенные парни в «черных масках» с автоматами в руках.

– Всем лежать, руки за голову! – завопил один из них, подкрепляя свою команду короткой очередью в потолок. Завизжали женщины. Напуганный грохотом выстрелов ребенок забился в истерику. Не дожидаясь исполнения приказа, «маски» принялись лупить ошалевших людей прикладами, пинать упавших коваными ботинками. Правда, справедливости ради следует сказать, что женщин не били. Просто грубо швырнули на пол.

– Проверка документов, – орал предводитель.

– Что вы вытворяете, это незаконно! – возмутился один из посетителей, кстати сказать, вовсе не бандит и не буржуй, а сотрудник крупного государственного учреждения.

– Борзеешь, гад, – рванулся в его сторону Бугров.

– Вот мои док... – договорить мужчина не успел. Страшный удар в пах скрючил тело в дугу, на почки обрушился приклад автомата. Обозленный Коля схватил потерявшего сознание человека за волосы, несколько раз ударил лицом об стол. Ему никто не препятствовал. Остальные «маски» занимались тем же самым. Больше всех досталось охраннику, который имел глупость обозвать поборников закона фашистами. Малюта лежал без сознания, оплывая кровью: в результате зверского избиения открылись недавно зажившие раны. Насытившись местью, «черные маски» грубо запихали посетителей бара в крытый фургон и с чувством выполненного долга доставили их в отделение милиции. Там всех поставили лицом к стене до выяснения личности, наподдали кое-кому напоследок, после чего укатили. Предстоял напряженный, загруженный работой вечер. Сотрудники отделения в отличие от своих крутых коллег не зверствовали. Женщин отпустили сразу, у остальных не оказалось ни единого ствола огнестрельного оружия, а документы и прописка были в полном порядке. Правда, на выяснение обстоятельств и исполнение бюрократических формальностей потребовалось несколько часов. Глубокой ночью охающие и харкающие кровью задержанные, все без исключения, отправились домой.

Следующей жертвой героических «черных масок» стала дискотека «Орхидея», излюбленное место отдыха молодежи со средствами. В дискотеке, помимо танцевальной площадки, имелись приличный бар, столики и игральные автоматы. По залу металась блики светомузыки. Кто танцевал, кто, отдыхая, пил холодное шампанское. Некоторые пытались обыграть «одноруких грабителей»¹⁹. Налет происходил по прежнему сценарию. Холостые выстрелы, матерная ругань, вихрь безжалостных ударов, уткнувшиеся лицами в пол измороженные люди, доставка в отделение. Правда, в отличие от предыдущей, операцию нельзя было назвать безуспешной. У троих посетителей изъяли газовые пистолеты, у двоих ножи, а у одного идиота натуральный «макаров», правда, без патронов и вообще сломанный. Восемнадцатилетний парень, не принадлежавший, кстати, ни к одной из преступных группировок, таскал с собой этот хлам,

¹⁹ Имеются в виду игральные автоматы.

купленный по дешевке у неизвестного «лица кавказской национальности». Уж очень хотелось казаться крутым перед знакомыми девушками, похожим на героев любимых голливудских видеофильмов.

Сотрудников отделения эти обстоятельства не волновали. Хранение и ношение огнестрельного оружия – за одно это можно посадить. А если доказать, что сопляк бандит! Допрос проводил капитан Степанов. Стояла глухая ночь. Мальчишка всхлипывал, щурясь от слепящего света настольной лампы, направленной прямо в глаза.

– Подписывай, сволочь! – рявкнул следователь, решивший, что задержанный достаточно созрел.

Максим Кораблев, так звали жертву повальной борьбы с преступностью, испуганно вздрогнул.

– Я же написал, как было дело!

В ответ Максим получил резкий удар ладонью по уху. В голове загудело. Стоящий сзади сержант выбил ногой стул. Поднявшись на ноги, Кораблев моментально ощутил дикую боль в левой почке. Сержант знал свое дело.

– За что бьете, больно! – заплакал парень.

– Не пудри мне мозги, – прошипел ему в лицо капитан. – Хочешь, в камеру к педерастам посажу? Они из тебя за ночь мигом девочку сделают!

Свою речь следователь подкрепил оглушительной затрещиной.

Тут в кабинет, вроде как случайно, хотя на самом деле все происходило по заранее обговоренному плану, вошел другой следователь.

– Тебя к начальнику! – сказал он Степанову, и тот, кивнув головой, вышел.

– Что плачешь? – участливо обратился вошедший к Максиму. – Избили, да? Как вы смее! – с наигранным возмущением обратился новый следователь к сержанту, с трудом сдерживающему смех. – Немедленно покиньте помещение!

– К сожалению, есть у нас такие, – скорбно продолжил он, когда сержант вышел. – Что он вам обещал? Посадить в камеру к педерастам? Да, это он вполне способен сделать. Тут я ничем не смогу помочь. Ведь взяли вас с оружием, не так ли?

– Как мне быть?! – заплакал окончательно сломленный Максим. – Я повешусь тогда!

– Право, не знаю! – притворно задумался «добрый дядя». – Хотя есть один способ. Подпиши бумаги, которые он предлагал, а я, в свою очередь, приложу все усилия, чтобы вытащить тебя из этого дела. Мы добьемся справедливости! Главное – выиграть время!

Сломленный Кораблев покорно взял ручку, не читая, подписал документы, делающие из него опасного преступника. Спустя полчаса оба милиционера весело обсуждали удачно проведенный спектакль. Старая, как мир, игра в «плохого и доброго дядю» который раз сработала безотказно...

В этот же день немало потрудились наряды ГАИ, усиленные омовцами. Тормозили все мало-мальски приличные машины, переворачивали их вверх дном, пока вытащенные наружу пассажиры стояли, уткнувшись лицами в капоты, широко расставив ноги и заложив руки за головы. За день было изъято два пистолета, граната, большое количество газового оружия. Арестовано несколько человек. Зверски избито двое кавказцев, осмелившихся возмутиться.

Почин Северного района пришелся по душе главному руководству правоохранительных органов. Полковник Татаринцов получил благодарность, а наступление на организованную преступность охватило весь город. Велось оно по принципу: «Хватай всех подряд, авось бандит попадется!»

Однако медаль имела обратную сторону: милиционеров начали убивать. Первыми жертвами стали лейтенант Гуськов и сержант Исламбеков, остановившие поздно вечером машину, в которой сидели подозрительные бритоголовые личности.

– Вылезьте живо! – грубо приказал Гуськов. В ответ загремели выстрелы. Капитана Вельяминова обнаружили повешенным в собственной квартире. Сержанту Горелову переломали кости и отрезали член. Он лишь чудом остался в живых. Исчезли бесследно несколько омоновцев. Мясорубка набирала обороты. Насилие порождает насилие, но городские власти позабыли эту простую древнюю истину. Начинался кровавый беспредел.

Глава 10

Савицкий, как, впрочем, и другие крупные мафиози, не принимал участия в мщении органам правопорядка, надеясь, что менты со временем образумятся. Все убийства являлись актами личной мести рядовых боевиков, а то и простых граждан. Слава приказал своим не высовываться, оружие без надобности не носить, одеваться скромнее, без вызывающего бандитского шика. А работа? Ну что ж работа, куда она денется! Здесь все оставалось по-прежнему. Пока «черные маски» избивают прикладами пришедших отдохнуть в ресторан людей, пока гаишники обнюхивают документы или хватают бритоголовых малолеток, пока газеты захлебываются славословиями в адрес героических стражей порядка – серьезные люди спокойно, по-тихому делают свое дело. Как любил говаривать Мирон: «Поймал мыша – и души не спеша». Куда, скажите на милость, деваться коммерсанту, которому не вернули долг? К кому обращаться, если наехали бандиты? В милицию? В арбитражный суд? Боже, какие глупости! От арбитражного суда не дождешься справедливости, да и дело протянется столько, что инфляция сожрет всю сумму, которая нужна сейчас. Пойдешь в милицию – запросто могут убить. Если государство не справляется со своей первейшей обязанностью защищать налогоплательщика, за это берутся другие. Примерно так объяснил Савицкий своим людям сложившуюся ситуацию и в завершение добавил:

– Ведите себя аккуратнее, без моего ведома никаких действий не предпринимайте, а бритых голов, блатных кепок и прочей дребедени чтоб больше я не видел!

Никто не возражал. Только Малюта придерживался особого мнения. Нет, он полностью разделял все высказанные шефом мысли, за исключением одной: не предпринимать без ведома Савицкого никаких действий. Дело объяснялось просто – он узнал одну из «черных масок», ворвавшихся в тот день в «Красный бык». В свое время Малюта, тогда еще просто Павел Милютин, служил в армии, где и познакомился с земляком Олегом Красновым. Павел был уже «дедом», Краснов, только что начавший службу, – «салагой». Поздно вечером сержант Милютин, раздобревший от выпитого с приятелем-каптером спирта, направился в туалет. Казарма спала. В густом спертом воздухе слышались храп, сопение и прочие ночные звуки. На тумбочке клевал носом молодой дневальный. Заметив старослужащего сержанта, он испуганно вытянулся, ожидая грозного окрика или удара в грудь. Однако Павел не был «злым дедом», не обижал без надобности «молодых», да и разгоравшиеся в животе двести граммов настраивали на добродушный лад.

– Дрыхнешь?! – лениво спросил он.

– Нет! – встрепенулся «салага», но Милютин уже прошел мимо.

В туалете кипела обычная армейская жизнь, которую официально принято называть неуставными отношениями. Старослужащий изгалялся над недавно прибывшим в часть худощавым парнишкой. «Дед», которого звали Закир Кутахов, восседал на подоконнике, с удовольствием затягиваясь сигаретой. В перерывах между затяжками он с не меньшим удовольствием пинал ногой в живот стоящего навтыжку «салагу».

– Я тебе покажу службу, – цедил сквозь зубы Закир. – Научу чистить сапоги!

Милютин поморщился. В «молодости» Кутахов был самым забитым, чмошным «салагой», посмешищем и вечной «шестеркой» у «дедов». Если Павел, несмотря на постоянные побои, сохранял чувство собственного достоинства, то Закир опустился вконец. Передвигался он по казарме исключительно бегом, то разнося для старослужащих сигареты, то еще что-нибудь. С усердием стирал носки, портянки, трусы. Сам ходил неряшливым, неделями немытым. Несмотря на хрупкое телосложение, отличался редкостной прожорливостью. Однажды в кухонном наряде Павел застал его за пожиранием объедков, которые Кутахов, на четверень-

ках моя пол, тайком подбирал. Вечерами, взгромоздившись на табуретку, Закир с выражением читал «колыбельную»:

– Спи, старик, спокойной ночи, дембель стал на день короче...

«Деды» прозвали его «объедком». Прослужив полтора года, Кутахов полностью сменил обличье. Кто бы узнал теперь в этом вылощенном наглom «дедушке», безжалостно издевающимся над «молодыми», недавнего зачуханного чмошника?

– Я сказал тебе, чтоб мои сапоги сияли, – продолжал между тем Закир. – Блестели, как алмазы! Почему этого не вижу? Щетка плохая? Придется вылизывать языком. На!!! – протянул он ногу, тыча каблуком «салаге» прямо в нос.

– Не беспредельничай, «объедок», – резко сказал Милютин, возмущенный происходящим. Закир опешил, едва не свалившись с подоконника. Связываться с крепко сложенным сержантом вовсе не хотелось. И надо же было явиться ему в самый неподходящий момент!

– Это ж «молодой», ему положено! – нашелся Кутахов. – Разве ты сам не гоняешь их? Вспомни, как нам доставалось!

– Гоняю, – согласился Павел, – но сапоги лизать не заставляю, как и сам не лизал когда-то, в отличие от тебя! Пошел вон, «объедок»!

Кутахов уныло побрел прочь, а Милютин прибавил ему ускорения крепким пинком под зад.

– Откуда сам? – спросил Павел «салагу».

– Из Н-ска.

– Правда?! Никак земляк! Расскажи, что там дома? – обрадовался Милютин, угощая «молодого» сигаретой. – Да не дрожи, в обиду не дам. Будут приставать «деды» – посылай ко мне.

Он исполнил обещание. Краснова больше не трогали. Никто не желал испробовать воздействие мощных сержантских кулаков. Когда Павел уходил на «дембель», они с Олегом обменялись адресами, тот горячо благодарил за поддержку, называл другом. Затем, как водится, забыл, на посланное письмо не ответил. Павел не обижался, знал, что армейская дружба редко продолжается на гражданке. Но вот довелось-таки встретиться. В «Красном быке». Малюта сразу узнал голос человека, усердно пинавшего его, распростертого на полу, ногой под ребра. Так, значит, Олечек, ты платишь за добро! Ладно, сволочь!

В Малютиной душе кипела ненависть. Вернувшись домой из отделения милиции, он до утра не мог заснуть, ворочаясь с боку на бок. Открывшиеся раны кровоточили. Самостоятельная перевязка не помогла. Пришлось на некоторое время снова лечь в больницу, под крылышко к знакомому врачу. Оттуда Малюта выписался накануне устроенного Савицким собрания, где в категорической форме предлагалось воздерживаться от несанкционированных действий. Ну уж нет!!! Валяясь на больничной койке, он досконально обдумал план мести. Одному с таким делом не справиться. Господи, как не хватает погибшего Грача! Придется искать замену. Поразмыслив как следует, Малюта остановил свой выбор на Юре Белявском, молодом парнишке, принятом в банду по его рекомендации. Юра согласился сразу...

Осенний вечер был на диво хорош. Прохладный воздух на окраинах Н-ска, вдали от промышленных районов, прокопченного бесчисленными машинами центра, пах свежестью, ароматом увядшей листвы и еще чем-то невыразимо приятным. В небе ярко светили звезды. Узкую улочку обступили многоэтажные дома. Большинство окон светилось. Люди отдыхали после рабочего дня, ели, пили, смотрели телевизоры. Олег Краснов возвращался домой в отличном расположении духа. Выходной день прошел прекрасно. С утра он хорошо выспался, позанимался гимнастикой. Днем встретился с товарищами. Весело посидели, в меру выпили. Один пришел с сестрой, высокой длинноногой брюнеткой по имени Вера. Олег сразу положил на нее глаз, увивался вокруг, острил, рассказывал анекдоты, словом, вел себя как заправ-

ский сердцеед. Вера в ответ стреляла глазами, громко смеялась над любой самой плоской шуткой. Ее пухлые, яркие губы, изобличавшие чувственную натуру, то и дело открывались в улыбке, показывая белоснежные зубы. Девушка казалась легко доступной, что еще более распаляло Краснова, который не мог похвастаться особым успехом у женщин. Легко договорились о свидании. Если б не брат, охранявший легкомысленную сестрицу, словно заправский цербер, Олег, наверное, переспал бы с ней прямо сегодня. Как жаль, что нельзя рассказать красотке о своей работе. «Черным маскам» категорически запрещалось делать это, в целях их же собственной безопасности. В крайнем случае – говори, что сотрудник ОМОНа, хотя тоже звучит неплохо. Краснов гордился своей службой. Как лихо смотрятся они в кадрах криминальной телехроники, когда, широко расставив руки, держат под дулами автоматов лежащих в грязи подозреваемых, выламывая руки, забрасывают их в машины! Крутые ребята, ничего не скажешь. «Масок» в промежутках между операциями усиленно тренировали: обучали рукопашному бою, стрельбе, методам задержания и много чему другому. Предложение перейти в «особую группу» Краснов воспринял с восторгом. Это элитное подразделение, наводящее почтительный ужас на простых смертных. Кроме того, хотя Олег сам себе в этом не признавался, пьянила безнаказанность. «Человек без лица» – вершитель судеб, творишь, что пожелаешь: захотел – прикладом по мозгам, захотел – ногой в пах. С «невидимки» взятки гладки. Допустим, встретишь свою жертву через некоторое время – ничего не бойся, как тебя узнать?!

Краснов легко нес крепкое, мускулистое тело, с наслаждением вдыхал свежий воздух. Подвыпивших хулиганов он не боялся: во-первых, коричневый пояс по карате – это вам не шутки, во-вторых, Олег до мозга костей проникся ощущением собственной крутости. Когда изо дня в день безнаказанно lupишь крепких парней да уважаемых господ, поневоле возомнишь себя Рэмбо. Жертвы почти никогда не рыпаются, жить хотят! Все знают – «черные маски» могут запросто пристрелить.

Показался его дом. Краснов вошел в темный двор, густо заставленный машинами. «Зажрались, сволочи! – мелькнула раздраженная мысль. – Ну ничего, мы таких, как вы, неплохо обрабатываем». Но тут на затылок обрушился тяжелый удар, и Олег потерял сознание. Пришел он в себя на полу машины, мчавшейся в неизвестном направлении. Руки-ноги были крепко, умело связаны, рот заткнут кляпом, поверх которого похитители намотали для верности клейкую ленту. В довершение его с головой накрывал толстый ковер, в который бесцеремонно уперлись чьи-то ноги. Краснов заворочался, замычал.

– Только пикни, падло, завалю! Нам терять нечего, – пригрозил тихий голос. Ехали долго. Судя по усиливавшейся тряске, шоссе кончилось, свернули на проселочную дорогу. Машину вел Малюта. Чтобы избежать нежелательных проверок, для похищения Краснова выбрали самую что ни на есть задрипанную развалюху, взятую в гараже одного из приятелей.

– Зачем тебе эта колымага, – изумился тот, – она твоей даже на запчасти не годится!

Но Малюта не желал посвящать кого бы то ни было в свои планы, тем более что парень не имел никакого отношения к преступному миру.

– Моя на ремонте, а тут, как назло, дед в деревне заболел, нужно помочь старику, пока совсем не загнулся, – с ходу соврал Павел. Объяснение полностью удовлетворило приятеля.

– Смотри, чтоб не рассыпалась по пути, – полусмешно-полусерьезно предупредил он.

Колымага на самом деле проявила настойчивое желание рассыпаться. Скрипела, дребезжала, хрипела. Казалось, машина возмущалась, что ее, заслуженную старуху, пенсионерку, мечтающую лишь об уютном местечке на свалке, заставили тащиться в несусветную даль. Зато гаишники не обращали на ветераншу ни малейшего внимания.

Нищета! Приличного штрафа не сдерешь, а уж бандиты на таких подавно не ездят! Двое сидевших в развалюхе людей ни в малейшей степени не напоминали членов преступной группировки. Предусмотрительный Малюта обрядил себя и товарища в ватные телогрейки. Представители рабочего класса едут в деревню картошку копать, а может, самогонку пить, а может,

рыбу ловить! Третьего пассажира, ради которого устроили весь этот маскарад, вообще видно не было, поскольку он находился на полу: оглушенный, связанный, укрытый ковром, с кляпом во рту.

Малюта долго катил по проселку, норовя удалиться как можно дальше от оживленного шоссе. Он проклинал себя, что не выбрал заранее подходящего места. То тут, то там мелькали огоньки деревушек. Любой человек, даже последний из сельских пьяниц, не нашедший сил добраться до родной избы и уснувший прямо на опушке леса, может оказаться нежелательным свидетелем. Не убивать же его в конце концов ради подонка Краснова! Лучше избежать встречи. Наконец населенные места кончились. Проселок запетлял среди темных деревьев. Малюта заглушил мотор, прислушался. Ни звука.

– Пора, – сказал он, отгоняя машину в сторону от дороги. Потушив фары, они вдвоем с Юрой вытащили наружу тяжелый бубнящий сверток и лопату. Затем, обливаясь от напряжения потом, потащили свою ношу в лес.

– Хорош, – выдохнул наконец измученный Малюта, когда бандиты удалились метров на пятьсот. – Будем делать здесь!

Местечко оказалось под стать задуманному убийству. Крохотная полянка, окруженная высокими старыми деревьями, освещенная луной, безмолвной и сочувственной свидетельницей множества преступлений. Вокруг – глухая тишина. Только ковровый сверток временами бубнил и ворочался: не хотел расставаться с жизнью!

– Развернем его, – предложил Малюта, – пусть подышит напоследок!

Краснова развернули, усадили спиной к дереву. Он с ужасом узнал Павла, который выручил его в армии и которого Олег вдохновенно пинал ногами в «Красном быке». В отчаянной надежде вымолить пощаду, договориться, Краснов мычал, умоляя глазами, чтобы вынули кляп. Тогда он объяснит, что не виноват, что действовал по приказу. Неужели старый друг убьет его из-за пары сломанных ребер!

– Не дергайся, гондон, – отреагировал Малюта на потуги бывшего сослуживца. – Ты мертвец. А кляп вынимать незачем. В последнем слове тебе отказано!

На самом деле он просто боялся, что, услышав голос Олега, сломается, пожалеет. Этого допустить нельзя. Дело должно быть доведено до конца. Если оставить Краснова в живых – он наверняка сдаст его с потрохами. У этой сволочи ни стыда, ни совести. Имей Олег хоть зачатки ее, разве бил бы он с таким остервенением человека, от которого видел только хорошее! А он бил, думая, что неузнаваем под черной маской.

– Приступим, Юра, – сказал Малюта и первым взялся за лопату.

Слежавшаяся земля, пронизанная во многих местах корнями деревьев, поддавалась плохо. Пот градом лил со лба. Из медленно углублявшейся ямы несло тяжелым сырым запахом могилы. Выдохшись, Павел передал лопату товарищу, а сам уселся на землю. Заметив круглые от ужаса глаза Краснова, он с трудом подавил в себе вспышку жалости. Малюта принялся прикуривать сигарету. Руки дрожали. Сломав несколько спичек, он наконец добился своего. Жадно затягиваясь дымом, Малюта вдруг заметил, что штаны Краснова намокают спереди. Жалость сменилась отвращением. Как избивать безоружных людей – так герой, а тут и умереть достойно не умеет! Между тем у Юры работа продвигалась быстро.

– Я думаю, хватит, – выдохнул он, отбрасывая лопату. Вдвоем они подтащили связанное обмякшее тело к краю могилы. Немного подумав, Малюта снова подстелил под него ковер, достал из кармана нож, схватив за волосы, запрокинул голову жертвы назад.

– Не бойся, живым закапывать не будем, хотя ты это заслужил, – криво усмехнулся он и наотмашь полоснул по горлу острым, как бритва, лезвием. Поток хлынула кровь, непривычный к таким делам Юра отскочил в сторону, согнувшись пополам. Его рвало.

– Хватит блевать, – резко сказал Малюта. – Иди, поможешь.

Закатав мертвеца в ковер, они столкнули сверток в яму, засыпали землей, тщательно утрамбовали и набросали сверху опавшие листья.

– Пойдем быстрее отсюда, – прохрипел белый как мел Юра, но Малюта вдруг упал на землю поверх могилы и зарыдал. Содеянное казалось ему в данный момент ужасным, бессмысленным. Хладнокровный гангстер бился в истерике. «Эх, Олег, Олег, – бормотал он, – почему все так вышло, почему, Господи!» Белявский с ужасом наблюдал за товарищем, который, прекратив рыдать, встал на четвереньки и завыл на луну. В глазах Малюты прыгали огоньки безумия. На всю оставшуюся жизнь Юра запомнил эту сцену – высокие безучастные деревья, мертвый свет луны, темная кровь на ноже и дикий, похожий на волчий, вой. Наконец Павел, прекратив выть, ничком упал на землю, широко раскинув руки, словно хотел обнять напоследок закопанного в ней мертвого друга-вредителя. Лежал он долго, затем поднялся, отряхнулся, вытер нож. Белое лицо снова стало спокойным, из глаз исчезли безумные огоньки.

– Пошли, – коротко бросил Малюта и, не оборачиваясь, зашагал по направлению к дороге.

Глава 11

Пока в Н-ске свирепствовали правоохранительные органы, банда Кадиева, из-за которой, собственно, и началась вся эта кутерьма, отдыхала на юге. Устроившись в гостинице «Полет», кадиевцы предавались дикому разгулу. Каждый вечер в их номера косяками шли местные проститутки, спиртное лилось рекой, хриплые голоса орали блатные песни.

Как-то утром Кадиев проснулся раньше других. Роскошный номер люкс выглядел так, будто через него промчалось полным галопом стадо свиней. Всюду валялись пустые бутылки, окурки. В воздухе стоял густой неприятный запах перегара, смешанного с потом. На широкой кровати рядом с ним лежали две голые девицы. Алексей, кряхтя, уселся. Голова разрывалась на части, перед глазами плавали зеленые круги, тело налилось свинцовой тяжестью, а в горле было сухо, как в пустыне. Вид обнаженных женских тел не возбуждал, а вызывал отвращение. Кадиев с трудом повернул шею, пытаясь обнаружить где-нибудь остатки выпивки. Это усилие не увенчалось успехом. Более того, по темени словно ударили тяжелым молотком, а к горлу подкатила тошнота.

– Слышь, ты, – толкнул он в бок одну из девиц, – хватит дрыхнуть!

Та вздрогнула, удивленно хлопая спросонья длинными ресницами.

– Что зенки таращишь, падла? – просипел Кадий. – Ищи похмелку!

Девушка испуганно вскочила. За сутки она успела достаточно ознакомиться с характером бандита и боялась его пуще огня. В комнате спиртного не оказалось. Кадий закипел от ярости. Безумно захотелось убить шалаву, но разумом он понимал, что сейчас и здесь этого делать нельзя.

– Может, у вашего друга есть, в соседнем номере? – робко спросила проститутка.

– Дура, а соображает! – изумился Кадий. – Иди!

В соседнем номере проживал Валера. На этот раз он ночевал без женщины, поскольку вечером в ресторане надрался до такой степени, что товарищам пришлось тащить его до кровати на руках. По пути Валера бессвязно мычал и ни в какую не желал расставаться с двумя бутылками сухого вина, которые сжимал в руках. С ними он уснул, с ними же и проснулся. Рефлективно вытащив зубами пробку, Валера присосался к горлышку. По мере того как кислое виноградное вино переходило из бутылки в желудок, голова прояснялась, самочувствие улучшалось. Похмелившись, он отставил в сторону вторую посудину, уселся на кровати и закурил сигарету. На старые дрожжи слегка развезло. Захотелось бабу, без которой еще вчера пришлось обойтись. Но где ее взять в такое время! Казалось, дьявол услышал его молитвы. В дверь постучали.

– Войдите, – сказал Валера и, когда дверь отворилась, облизнулся как кот на сметану. В комнату неуверенно вошла маленькая, стройная блондинка с идеальной фигурой и синими глазами. Одета она была в легкую полупрозрачную комбинацию. Девушка оказалась между Валерой и незанавешенным окном. Яркие лучи южного солнца сделали ее одеяние практически невидимым, давая возможность разглядеть стройные загорелые ноги, переходящие в округлые бедра, аккуратно подстриженный лобок, высокую полную грудь.

– Меня прислал Алексей, спросить вина! – На лице девушки застыл страх.

Валера поднялся.

– Вина дам, но сперва получу взамен кое-что другое!

Девушка отшатнулась. Проституткой она сделалась совсем недавно, не успела привыкнуть к хамству и жестокости клиентов. Вика, так звали ее, стала на этот путь, чтобы выбиться из нищеты, захлестнувшей последнее время широкие слои населения. Теперь она понимала, какую жестокую ошибку совершила. Ею пользовались как вещью, оскорбляли. Когда вчера Кадиев совал ей в рот свой дурно пахнущий, волосатый член, Вика едва не вытошнило. Тем

временем Валера схватил девушку за подол комбинации, рванул к себе. Тонкая материя разорвалась. Бросив на заплыванный ковер дрожащее обнаженное тело, он навалился сверху, коленями раздвинул ноги и с силой вошел вовнутрь. Вика задышалась под тяжестью пылящего на ней бандита, влагилице после вчерашнего нестерпимо болело. «Все, – мысленно плача, думала она. – Больше никогда, лучше в уборщицы пойду, в посудомойки, с голоду подохну!» Наконец Валера кончил и, удовлетворенно вздохнув, поднялся.

– Держи, – протянул он девушке оставшуюся бутылку, – отдашь Кадью. Хотя нет, пойдем вместе.

Вторая проститутка тем временем с нетерпением дожидалась возвращения подруги. Непохмеленный клиент кипел от злости.

– Падлы, суки, сволочи, – яростно хрипел он, – всех завалю, на куски порежу, глаза повырываю...

Наконец появилась Вика с бутылкой в руках. Позади следовал крепкий черноволосый мужик в небрежно запахнутом махровом халате. Вика была абсолютно голая и дрожала в ознобе. «Трахнул, сволочь!» – подумала сообразительная подруга. Кадий выхватил из рук бутылку, поспешно открыл и жадно присосался. Некоторое время было слышно только бульканье. Наконец, вылакав вино до последней капли, он облегченно ухнул.

– Ты чего явился? – спросил Кадий Валеру.

– Компанию тебе составить, люблю групповуху!

– Это идея! – оживился Кадиев. – Иди сюда, – махнул он рукой злополучной Вике, – у меня возьмешь в рот, а ты, Валера, давай сзади!

– Я устала, не могу! – заплакала она.

– Тебе за это деньги платят, – хлестнул ее ладонью по лицу Валера.

– Хорошо, я только помоюсь!

– Давай, но быстрее, – милостиво разрешил Кадиев.

Он не заметил, как Вика прихватила с собой пояс от халата. Послышался шум льющейся воды. Прошло минут десять. Девушка не появлялась.

– Она чего, спать там улеглась? – взбесился Кадиев, вламываясь в запертую ванную. Вика висела на поясе от халата, другой конец которого был привязан к тонкой трубе, проходившей под потолком. Недавно хорошенькое личико сейчас, как у всех повешенных, было ужасно: свернутая набок шея, вываленный прокушенный язык, налитые кровью выпученные глаза.

– Ни хрена себе! – попятился назад оторопевший Кадий и, опомнившись, рывкнул: – Валера, держи вторую шлюху!

Тот, поняв по голосу шефа, что случилось нечто непредвиденное, крепко обхватил проститутку за талию, зажав ладонью рот.

– Что будем делать с трупом? – спустя некоторое время спросил Кадиев. Они с Валерой непрерывно дымили сигаретами, не обращая внимания на обезумевшую от страха девушку, которая, словно собачка, съежилась в углу, дрожа всем телом.

– Запакуем во что-нибудь, дождемся ночи, и с пирса в море!

– А эту куда?

– Придется туда же.

– Не надо, пожалуйста! – заплакала девчонка. – Я никому не скажу, клянусь! Только не убивайте! У меня дома больная мама!

Некоторое время Кадиев напряженно размышлял: «От двух тел избавиться сложнее, чем от одного, но оставлять живого свидетеля!» Приняв решение, он незаметно подмигнул Валере. Тот кивнул в знак согласия, подошел к девушке и коротким движением сломал ей шею.

На следующее утро банда Кадиева в полном составе вылетела в Н-ск...

Несколько дней после убийства Краснова Малюта беспробудно пил. Он заперся один дома (мать уехала на месяц к родственникам), отключил телефон, не обращал внимания на звонки в дверь. По этой причине Малюта ничего не знал ни о возвращении в город банды Кадиева, ни о возобновлении кровавой войны, первыми жертвами которой стали двое молодых боевиков Савицкого. Уставившись тяжелым взглядом в стенку перед собой, он мрачно тянул стакан за стаканом, практически не закусывая. Нервы были взвинчены до такой степени, что спиртное почти не действовало. Лишь когда желудок переполнялся коньяком, Павел шел в туалет и выворачивал его наизнанку, затем принимался пить снова. Больше всего он боялся заснуть. Каждый раз виделся один и тот же сон: залитая лунным светом поляна в глухом лесу, лежащий на ковре труп Краснова с перерезанным горлом. Из него обильно хлещет кровь. Поток ее все усиливается, превращается в маслянистую красную реку, которая подхватывает Павла, тащит за собой. Он барахтается, захлебывается, пытается выбраться на берег. Нелегкая задача! К ногам словно привязали тяжелый груз, который безжалостно тянет на дно. Наконец, уцепившись за какой-то куст, Малюта с трудом выкарабкивается из реки. Некоторое время он лежит, тяжело дыша, и вдруг замечает, что это совсем не тот лес, где убили Краснова. Деревья белесые, вместо веток – щупальца, они тянутся к нему, стараясь схватить. С диким криком вскочив на ноги, Павел бежит куда глаза глядят. Вокруг мелькают зловещие черные тени, из зарослей наблюдают горящие рубиновым огнем глаза. Внезапно Малюта останавливается. Прямо перед ним стоит на дороге огромного роста человек, одетый в темную одежду старинного покроя. Заостренное лицо с резкими чертами. Глаза словно угли. Усмехнувшись, гигант хватает Павла за шиворот и куда-то тащит. Малюта кричит, цепляется за землю, но безжалостная сила упорно влечет за собой. Деревья расступаются, под ногами раскрывается бездонная черная пропасть. Павла швыряют туда. Летит он долго и почему-то медленно, как при пониженной гравитации. На стенах горят синим пламенем непонятные письмена, в глубоких нишах ухмыляются прикованные скелеты. В воздухе нестерпимо воняет серой. Наконец Малюта приземляется и оказывается в небольшой камерке с каменными стенами, без окон, без дверей. Стены излучают зеленоватое свечение. Павел различает неподвижно сидящую в противоположном углу темную фигуру. Приглядевшись, он с ужасом узнает Краснова. Тот бледен, горло перерезано, однако крови не видно.

– Привет, дружище, – ухмыляется Олег. – Мне так скучно здесь одному! Теперь хоть есть с кем поговорить!

Павел вскакивает, с диким воем бьется о стены, пытаясь выйти наружу.

– Бесполезно, – смеется Краснов, – я уже пробовал. Давай лучше вспомним армию, друзья все-таки. Я тебя предал, ты меня убил – значит, квиты. Нам еще повезло, в соседних камерах гораздо хуже. – Ухмыляющийся труп лезет целоваться. Малюта вырывается, кричит и просыпается в холодном поту. Этот кошмар терзал его четыре ночи подряд. Сейчас Павел чувствовал, что глаза слипаются вновь, и изо всех сил боролся со сном. Часы показывали двенадцать ночи. В прокуренной комнате тяжело пахло перегаром. Подойдя к окну, Малюта распахнул его, жадно вдыхая холодный ночной воздух. В чистом небе ярко светили звезды. Ветер слегка колыхал пожухлую листву растущего перед домом дерева. В глубине двора раздавались пьяные вопли, брэнчание гитары и женский визг. Холод осенней ночи остудил воспаленную голову. Спать расхотелось. «Пойти прогуляться, что ли? – подумал Малюта. – Какого черта я засел в этой конуре?» Торопливо одевшись, Павел вышел на улицу. Несмотря на позднее время, народу там хватало. Кое-где в сквериках шумно веселились подвыпившие компании, около бойко торгующих спиртным ночных коммерческих палаток толпились страждущие. К одной из них Малюта и направился. Купил пачку «Мальборо», бутылку красного испанского шампанского, пластмассовый стаканчик, шоколадку. Возвращаться домой не хотелось, поэтому он зашел в ближайший двор, уселся на лавочку. Он курил сигарету за сигаретой, иногда прихлебывая холодное шипящее вино. На душе по-прежнему висела непомерная тяжесть.

Мысли вновь и вновь возвращались к недавним событиям. Убить в перестрелке – куда ни шло, но безоружного, связанного человека?

Павел вспомнил один случай из детства. Тогда он отдыхал летом в деревне у родственников. Беззаботные, веселые дни! Прогулки в лес за грибами, купание на речке, добродушная дворняга Тузик, жившая у его родных и ходившая за мальчиком по пятам. Родня Малютиных была зажиточная. В хлеву мычала корова, хрюкали три свиньи, по двору сновали многочисленные куры, блея, тыкался носом в забор молодой барашек Бяша. Однажды в субботу взрослые в доме засуетились. Женщины стряпали на кухне, мужчины тащили из магазина полные сумки водки. Намечался какой-то большой праздник. Поглядывая на Бяшу, все говорили о «классном шашлыке». Что это значит на самом деле – маленький Павлик понял только вечером. Жалобно блеющего Бяшу связали, подвесили за задние ноги, а подвыпивший дядя Костя полоснул по горлу ножом. Хлынула кровь. Глаза животного закатились в предсмертной муке. Испуганный мальчик громко закричал, потом его вырвало.

– Идиоты, зачем при ребенке! – коршуном налетела на родственников мать... Увиденная в детстве картина надолго врезалась Павлу в память. Сейчас он снова вспомнил ее. Прodelанное с Красновым вызывало отвращение. «Он-то, конечно, сволочь, но я просто палач!» – мелькнула в голове мысль.

В этот момент на затылок обрушился тяжелый удар, и Малюта потерял сознание.

Валера торжествовал. Вот уж никак не ожидал, что, заехав в незнакомый двор поменять проколотую шину, застанет там пьяного, раскисшего Малюту, который даже не заметил Валериного приближения. Это будет хороший подарок Кадью: Малюта – один из лучших боевиков Савицкого. Валера и до этого был в хорошем расположении духа. От трупов там, на юге удалось избавиться без шума. Девчонок подцепили случайно, не у обычного сутенера. Значит, концов не осталось. Ушли из дома, не вернулись... Мало ли таких сейчас! На дне моря их не скоро найдут, если вообще будут искать. Кому они нужны? На следующий день по прибытии в Н-ск удалось лично без шума убрать двух Славиных парней. Учитывая разгоревшуюся кампанию по борьбе с преступностью, тела надежно спрятали. А теперь еще Малюта! Судя по всему, удача наконец обернулась к кадиевцам, инициатива перешла в их руки, скоро конец Савицкому!

Павел пришел в себя на переднем сиденье бешено мчащейся по шоссе машины. За рулем сидел Валера. Малюта чувствовал себя отвратительно – голова кружилась, из рассеченного затылка текла кровь. Руки были скованы наручниками за спиной. – Заметив его движение, Валера усмехнулся:

– Очнулся, сволочь, – и резко ударил Павла по лицу. – Ничего, скоро приедем. Кадий будет безумно рад тебя увидеть! Для начала мы пригреем тебе пятки на костре,отрежем уши, нос, яйца, выколем глаза...

Малюта не слушал, внимательно наблюдая за дорогой. Впереди показался силуэт идущего по встречной полосе огромного «КамАЗа»...

– Потом возьмем тупую пилу, – продолжал Валера, – медленно-медленно отпилим левую руку, правую, потом...

«КамАЗ» приблизился на достаточное расстояние. Медлить больше было нельзя. Стиснув зубы, Малюта всем весом своего мощного тела ринулся влево, на Валеру. Потеряв управление, легковушка на полной скорости врезалась в «КамАЗ». Последнее, что услышал Павел, – свинячий визг Валеры, увидевшего перед собой смерть. Затем тьма поглотила обоих.

Глава 12

Н-ские органы правопорядка продолжали свирепствовать. Камеры предварительного заключения и изоляторы временного содержания были набиты до отказа. Круглые сутки шли допросы. Из любого, на кого пало хоть малейшее подозрение, вместе с потрохами вышибали признание. Газеты кричали о тотальном наступлении на организованную преступность. «Мы свернем им шеи, – заявляли с экранов телевизоров ответственные чиновники. – Ничего не бойтесь, смело заявляйте! Сила на вашей стороне».

Одной из жертв газетной шумихи пал глава фирмы «Орион» Вадим Кобылкин, до сих пор в течение полугода добросовестно плативший пятнадцать процентов прибыли банде Савицкого. Кобылкин не имел оснований обижаться на свою «крышу», отгонявшую всех других рэкетиоров, вытрясавших деньги из его должников. Однако сейчас... «Зачем им платить, – размышлял прижимистый Вадим, – к чему лишние расходы, если государство за меня горой? Небось побоятся сунуться, а может, их уже посадили?» Однако в назначенный день как ни в чем не бывало позвонил Савицкий, напомнил – пора расплачиваться. Вначале Кобылкин растерялся. Живы-здоровы, никуда не делись. Как быть? Платить по-прежнему? Долго колебался он, принимая то одно, то другое решение, наконец жадность взяла верх. Нужно преподать бандитам урок, показать, кто теперь правит бал. После этого побоятся беспокоить! Кобылкин незамедлительно позвонил «куда следует», пожаловался: рэкетиры обижают, помогите. За деньгами приехал Кирилл. Не ожидая никакого подвоха, он вылез из машины, с наслаждением разминая затекшие ноги. Денек выдался хороший, не по-осеннему теплый. Даже в легкой кожанке становилось жарковато. Офис Кобылкина располагался на первом этаже одного из домов старого района Н-ска. Тяжелое, серое здание сталинской постройки нависало аляповатой громадиной. Во дворе весело верещали ребятишки, лениво переговаривались престарелые тетki. Затянувшись несколько раз сигаретой, Кирилл потушил окурочок и направился в подъезд. Поднявшись на второй этаж, позвонил в знакомую дверь и, минуя секретаршу, прошел сразу в кабинет Кобылкина.

– Привет, Вадим! – поздоровался Кирилл. – Все в порядке?

– Ага, – ответил тот, странно усмехаясь. Неожиданно кто-то с силой вывернул Кириллу руки назад, одновременно уткнув его лицом в стол.

– Не дергайся, хуже будет! – предупредил сердитый бас.

«Что такое? – растерянно подумал Кирилл. – Неужели Кадий?!»

Но тут же убедился в своей ошибке. Комнату заполнили дюжие молодцы в пятнистых комбинезонах и лихо заломленных беретах. Его поставили лицом к стене, тщательно обыскали.

– Ничего нет, – произнес чей-то голос.

– В чем, собственно, дело? – подал голос Кирилл, но тут же получил жестокий удар по почкам.

– Вякает, сволочь, – констатировал кто-то. – Дайте-ка ему, ребята.

Некоторое время Кирилла усердно избивали. Почти теряя сознание от боли, он прокусил губу, чтобы не кричать. Наконец побои прекратились.

– Крепкий гад, – хохотнул бас, – ну ничего, скоро запоет по-другому...

Камера, в которую бросили Кирилла, оказалась набита до отказа. Воздух весь пропитался сыростью, и «ветераны», просидевшие многие годы, непрерывно кашляли. Контингент задержанных составляли большей частью молодые крепкие парни, заподозренные властями в принадлежности к преступным группировкам. Вид у людей был мрачный. Многие то и дело охали, держась за отбитые места. Наметанным глазом Кирилл быстро определил, что большинство не имеет к мафии никакого отношения, а если имеет, то косвенное. Именно из них следователям чаще всего удавалось выбить признание. «Ну нет, гады, – зло подумал Кирилл, – хоть убейте,

ничего не скажу». Он прекрасно сознавал, что доказательств у ментов нет никаких. Ставка делается, как в старые добрые времена, на «добровольное признание». С трудом разыскав свободное место, Кирилл уселся, ожидая вызова на допрос и с отвращением вдыхая затхлый, мокрый воздух. Рядом непрерывно стонал молодой бритоголовый парнишка лет восемнадцати. По некоторым признакам было видно, что у него отбиты почки. Кирилл быстро проработал в мозгу версию для следователя. Так, что он делал в офисе Кобылкина? Приехал в качестве представителя фирмы «Русский лес», которая через подставное лицо принадлежала Савицкому и где числились на работе все его ребята. Ладно, кто он – понятно. Зачем прибыл? Заключить коммерческое соглашение. Почему Кобылкин обратился в милицию? Сам не пойму, какая-то ошибка. Версия простая, не подкопаешься. Позвонить навряд ли разрешат, но Слава быстро докопается, куда он исчез. Пришлет адвоката. Главное, продержаться. Какая сволочь Кобылкин! Сам когда-то попросился «под крышу», столько проблем для него решили. А теперь на тебе! Ведь не драли с него три шкуры, напротив, как-то помогли деньгами, когда коммерсант был на грани разорения. Не альтруизма ради, конечно, а чтоб не потерять источник дохода.

Парнишка рядом продолжал стонать, судя по всему, каждое движение доставляло ему дикую боль, по лбу струился пот. «Покалечили парня, ублюдки, – подумал Кирилл, – а может, он и ни при чем вовсе!»

Наконец его вызвали на допрос. Следователем оказалась женщина лет тридцати, чернявая, сухая, как палка, с волосатыми ногами и злыми глазами. Сексуальная неудачница, ненавидящая мужчин. Госпожа-следователь восседала за столом, заваленным документами в папках. В кабинете пахло пылью. Сквозь мутные, зарешеченные окна пробивался тусклый свет. Жестом указав Кириллу на стул перед собой, она снова уткнулась в бумаги. Два дюжих сержанта замерли у дверей. Женщина казалась с головой погруженной в работу и не обращала на задержанного никакого внимания. «Давит на психику, хочет выбить из колеи», – сообразил он. Прошло минут десять.

– Рассказывай, – вдруг резко вскинулась следователь, сверля Кирилла рентгеновским взглядом.

– О чем? – сделав невинное лицо, поинтересовался он.

– За что тебя забрали?

– Гм, я бы сам хотел это знать!

– Дурака валяешь! – прошипела дама. – Говори, почему явился в фирму «Орион»? Деньги вымогать?!

– Ну что вы, как можно. – Тут Кирилл без запинки выложил заранее заготовленную версию.

– Ты мне ваньку не валяй! – взвизгнула следовательница. – Я про тебя все знаю!

Кирилл промолчал. Ехидно посмотрев на него, женщина вышла в коридор, и, как только за ней захлопнулась дверь, страшный удар по шее бросил Кирилла на пол вместе со стулом. Сержанты знали свое дело. Били грамотно, со вкусом, не оставляя следов. Затем усадили перед столом и напоследок двинули резиновой дубинкой по темени. Голова разрывалась от боли, путались мысли. Следователь снова зашла в кабинет.

– Что же у тебя вид такой понурый? – с притворным участием поинтересовалась она. – Небось совесть мучает?

Кирилл молчал.

– Ладно, подпиши протокол допроса и можешь отправляться в камеру. – В лицо ему ткнули протокол, составлявший несколько листов машинописного текста.

– Какого допроса?

– Ты разве не помнишь?! Хорошо, я скоро вернусь.

Сержанты с усердием, заслуживающим лучшего применения, повторили прежнюю процедуру.

– Подпиши, хуже не будет, все равно ведь посадим, только здоровья навеки лишишься! – уговаривала следователь. Ее злое некрасивое лицо плавало перед замутненными глазами Кирилла словно в тумане, то расширяясь до размеров шире окна, то сужаясь в огурец, будто в кривом зеркале.

– Не буду ничего подписывать, – из последних сил хрипел он. – Где мой адвокат?

Избиения повторялись снова и снова...

Как предвидел Кирилл, Савицкий быстро разобрался, в чем дело. В тот самый вечер, когда полуживой от побоев Кирилл был наконец заброшен в камеру, в подвале загородного дома Савы происходила процедура, как две капли воды похожая на ту, что проводили в милиции. Только на этот раз жертвой являлся господин Кобылкин, а палачами – подручные Савицкого. Вадим, в отличие от Кирилла, сломался быстро.

– Понял, мразь, что нужно сделать? – прорычал ему в лицо Славик.

– Да-да, не убивайте!

– Завтра явишься туда вместе с нашим адвокатом, скажешь: произошла ошибка, не того взяли! Иначе вырежем всю семью!

– Да-да-да, – скулил Кобылкин, – я больше не буду!

На другой день к вечеру Кирилл вышел на свободу. Он чувствовал себя ужасно, словно его несколько раз пропустили через мясорубку. Болели почки, ребра. Голова трещала по швам – похоже, получил сотрясение мозга. Увидев серое осунувшееся лицо, на котором постоянно выступали бисеринки пота, и выслушав рассказ о случившемся, Савицкий затрясся от ненависти.

Спустя два часа они вместе с Мироном сидели дома за столом, обсуждая сложившуюся ситуацию.

– Сволочь, Кобылкин, пидорас! – говорил Савицкий, нервно затягиваясь сигаретой. – Жил, как у Христа за пазухой, ничего плохого ему не делали, напротив, помогали, и на тебе!

– Что ты хочешь от барыги! – философски отвечал МIRON, прихлебывая из глиняной кружки пенистое пиво. – Кобылкин решил, что теперь нам всем крышка, можно деньги сэкономить, поверил газетной брехне! Деньги для него самое главное, он за них мать родную продаст!

– Но зачем подставил Кирилла, гад?!

– Сава, ты прямо как ребенок! Кобылкин решил преподать нам урок – мол, смотрите, экий я крутой, только суньтесь – в милицию сдам.

– Так дело не пойдет! – ударил кулаком по столу Савицкий. – Вслед за ним другие оборзуют!

– Правильно, я того же мнения, нужно преподать им урок. Завалим паскуду!

– МIRON, ты знаешь, сколько визга будет?!

– Визг будет, если найдут труп, а если просто исчезнет – поищут спустя рукава, да и все.

– Опять кровь, – поморщился Савицкий. – Надоело!!!

– Что поделаешь, Сава, что поделаешь, с волками жить – по-волчьи выть. Думаешь, мне это нравится? Однако другого выхода у нас нет!

Савицкий долго размышлял.

– Ладно, – наконец мрачно буркнул он. – Делай! Я договорюсь на кладбище...

Вадим Кобылкин пребывал в прескверном расположении духа. Мечта раз и навсегда отделаться от «крыши» развеялась словно дым. Он забыл, что когда-то сам под нее напросился. Самочувствие также оставляло желать лучшего. В подвале загородной дачи его неплохо отделали, не хуже, чем Кирилла в милиции. Припарковав машину у подъезда, он не торопился выходить, куря одну за другой сигареты и размышляя о своей плачевной участи. Влип как кур в ошип, поверив газетам. Впрочем, почему влип? Прошла неделя после освобождения Кирилла, но никто из ребят Савицкого не приезжал, не звонил. «Испугались, – осенило Кобылкина, –

своего вытащили, но больше рисковать не хотят. Значит, не зря обращался я «куда следует», не зря переносил побои. Теперь не нужно отдавать каждый месяц пятнадцать процентов прибыли!» Мысль о сэкономленных деньгах подействовала на коммерсанта как стакан хорошего коньяка. В голове приятно зашумело. Он вышел из машины, включил сигнализацию и уже собирался войти в подъезд, как вдруг чья-то тяжелая рука легла на плечо.

– Не торопись, Вадик, – послышался тихий, уверенный голос. – С тобой поговорить хотят!

– А? Что? Где? – встрепнулся Кобылкин и, обернувшись, увидел Мирона, одного из приближенных Савицкого. С ним были еще какие-то два парня. Их Вадим раньше не видел.

– Поехали к Сава, – сказал Мирон, – он с тобой повидаться хочет.

– Я никуда не поеду, – начал было коммерсант, но в бок уткнулось жесткое дуло пистолета.

– Поедешь!!!

Решив больше не искушать судьбу, Кобылкин покорно уселся на заднее сиденье. По бокам его плотно сдавили мощными плечами подручные Мирона. Машина плавно тронулась с места.

По сторонам мелькали огни вечернего города. Ярко светились неоновые вывески магазинов, рекламы различных фирм. На улицах кипела жизнь. Сейчас Кобылкин чувствовал какую-то отстраненность от нее. Будто не ходить ему больше по улицам шумного города, не покупать в роскошных магазинах фирменные шмотки, не веселиться в ресторанах с красивыми девушками. Вадима начал колотить мелкий озноб, по телу побежали струйки пота.

– Ку-куда мы е-де-дем? – плохо владея языком, спросил коммерсант.

– Не волнуйся, все нормально, – не оборачиваясь, ответил сидевший за рулем Мирон.

– Хочешь выпить для храбрости? – миролюбиво предложил один из мордоворотов и, не дожидаясь согласия, достал бутылку коньяка, пластмассовые стаканчики и шоколадку, которую разломил на три равные части. – Ну, погнали, чокаться не будем!

– Разве мы на поминках? – осмелился пошутить Вадим, даже не подозревая, насколько близок к истине.

– Что за чушь! – несколько натянуто усмехнулся второй. – У нас это не принято.

Огненная влага успокоила. Не спрашивая разрешения, Кобылкин закурил сигарету. Похоже, расправы не намечается. Но что в таком случае?

«Савицкий заставит компенсировать моральный ущерб, – внезапно подумал коммерсант, – наложит денежный штраф за вызов милиции, увеличит размер месячной выплаты». Кобылкин ужаснулся и решил прозондировать почву:

– Ребята, у меня совсем нет денег, я не смогу платить больше, чем сейчас!

– Успокойся, – бросил через плечо Мирон, – больше ты платить не будешь.

Слово «больше» бандит произнес с ударением, вкладывая в него особый смысл, но бизнесмен не обратил на это внимания. Выбравшись за черту города, машина, набрав скорость, понеслась по шоссе. В Кобылкине вновь проснулись подозрения.

– Где ждет нас Сава? – неуверенно поинтересовался он.

– У меня на даче! – безмятежно соврал Мирон, сворачивая налево. Впереди показалась заброшенная свалка, следом за которой располагалось кладбище. Машина неторопливо въехала в настежь распахнутые заржавевшие ворота.

– Вылазь, козел! – сбросив маску добродушного дядечки, грубо приказал Мирон. Вадим осторожно выбрался наружу, еще не понимая, вернее, не желая понимать весь кошмар того, что должно сейчас произойти.

Свалку эту город использовал долгие годы, сбрасывая сюда всякую дрянь, в которой больше не нуждался. В период своего расцвета свалка представляла оживленное людное место. У ворот толпилась очередь машин, жаждущих побыстрее разгрузиться от вонючего содержи-

мого, ругались с приемщиком водителя, в кучах мусора копошились спившиеся бомжи, разыскивающие стеклотару или не до конца истлевшую ветошь. Здесь была своя иерархия, нечто вроде миниатюрного государства, возглавлял которое некий дядя Вася. Сам он в отбросах не возился, зато поддерживал среди подданных порядок, взимая за это соответствующую мзду. В свою очередь, Вася отстегивал начальнику свалки, дабы тот смотрел сквозь пальцы на присутствие посторонних в черте вверенного ему объекта. Кроме того, тут водились чайки. Их было так много, что иногда курганы мусора казались покрытыми белым ковром. Время от времени бомжи смеха ради кидали в него камнями, и ковер мигом превращался в крикливую тучу. Потом все это сгнуло, свалку перевели в другое место, а почему до сих пор не привели в порядок территорию, знали лишь городские власти. Былое средоточие подзаборной жизни превратилось в дурно пахнущую пустыню, где по ночам были одичавшие собаки да творились темные дела.

Кобылкин переминался с ноги на ногу, чувствуя, как сердце сдавливают тиски ужаса. Небо было затянуто тучами, моросил мелкий дождь, крошечную сырую темень рассеивали лишь могучие фары машины Мирона, в свете которых были отчетливо видны чьи-то дочиста обглоданные кости. Близкое соседство кладбища усиливало зловещее впечатление.

– Думал, пидор, деньгами отделаться? – нарушил тишину Мирон.

– Бить будете? – с внезапно проснувшейся надеждой спросил бизнесмен.

– Размечтался! Не бить, убивать!!!

– Пожалуйста, пожалуйста, – забормотал Вадим, – ребята, ну зачем?! Чего вы, не надо!!!

Утратив от страха возможность связно мыслить, он залепетал нечто несурзное. Мирон безгласно скривился. Его мучило от отвратительного зрелища и от того, что предстояло совершить. Желая побыстрее закончить неприятное дело, он нетерпеливо махнул мордovorотам рукой. Один ударил Кобылкина кулаком под дых, второй накинul на шею удавку. Вадим оказался на редкость живучим. Тело выгибалось в конвульсиях, изо рта вместе со слюной рвался хрип, но смерть никак не наступала. Мирон отвернулся, с трудом сдерживая позывы к рвоте. Время, казалось, остановилось, только надрывное хрипение больно сверлило уши. Наконец все закончилось. То, что являлось совсем недавно преуспевающим коммерсантом Вадимом Кобылкиным, – неподвижным, скрюченным кулом валялось на земле. В свете фар были ясно видны прокушенный распухший язык и выпученные глаза, смотревшие, казалось, прямо на Мирона. Лица обоих исполнителей покрывала смертельная бледность. Неожиданно хором взвыли в разных углах пустыря бездомные собаки. Почуяли смерть.

– Быстрее закругляемся, – с трудом выдавил Мирон, и они поспешно, стараясь не смотреть в мертвые глаза, запихали тело в багажник.

У ворот кладбища терпеливо дожидался могильщик Федя, уже получивший положенный гонорар от Савицкого и принявший по этому случаю полторы бутылки. По причине опьянения предстоящее соучастие в убийстве не казалось ему чем-то пугающим, напротив, Федя ощущал себя крутым чуваком. «Мы с Савой друзья», – горделиво заявлял он приятелям-собутельникам, однако, на чем зиждется эта дружба, благоразумно помалкивал.

Титул «Савиногo друга» сильно укрепил его позиции среди кладбищенской братии. Федю начали уважать, побаиваться. Охотно верили в долг, если он проигрывал в карты. Услышав о предстоящем очередном сокрытии трупа, могильщик сперва испугался, но выпитая водка придала храбрости, отмела начисто все сомнения. «Подумаешь, большое дело жмура спрятать», – мысленно хорохорился он. Риска никакого. Даже если менты что-либо пронюхают, не станут же они вскрывать подряд все могилы, тем более такую, как в этот раз. Сегодняшнему покойнику выпала высокая честь гнить в одной яме вместе с генерал-майором МВД Алексеем Петровичем Фетисовым, скончавшимся в результате кровоизлияния в мозг. Представив, как менты вытряхивают из могилы гроб своего бывшего начальника, дабы проверить, нет ли там еще кого, Федя залился тихим смехом.

Наконец послышался шум мотора и прямо напротив ворот затормозила знакомая машина.

– Садись рядом, – выглянув из переднего окошка, хмуро пригласил Мирон, – показывай дорогу! В центральном районе? Ведь здесь никого не хоронят!

Но, выслушав игривый рассказ подвыпившего Феди, почему-то не засмеялся. Остальные двое парней тоже хранили угрюмое молчание. Наконец прибыли на место. Центр города мертвецов, как и подобает центру, производил внушительное впечатление. Полированные глыбы гранита и мрамора с золотыми надписями, выбитыми в камне портретами хозяев могил. Кое-где встречались статуэтки, иногда вполроста, иногда в полный. Особенно поражал своими габаритами навеки запечатленный в бронзе двухметровый Альберт Вахтангович Мамаладзе – в прошлой земной жизни начальник овощебазы. Дорожки были аккуратно присыпаны гравием, все вокруг ухожено и благопристойно. Преуспевающий бизнесмен Вадим Кобылкин даже после страшной насильственной смерти ухитрился втиснуться на кладбище в привилегированное местечко. Правда, контрабандой и инкогнито, но все-таки!

– Давайте быстрее, – тихо сказал Мирон, вылезая из машины. Дико оскаленное лицо удавленника заставило побледнеть даже веселого пьяного Федю. Торопливо сделав свое дело, бандиты уехали. Ушел и могильщик. Лишь вырытая могила одиноко зияла в кладбищенской ночи.

На следующий день возле нее снова появились люди. Играл оркестр, произносились торжественные речи, давались клятвы продолжить беспощадную борьбу с преступностью, которую, не жалея сил, вел безвременно почивший Алексей Петрович. Наконец церемония подошла к концу. Гроб с телом генерал-майора МВД и огромная груда живых цветов поверх могильного холмика навеки скрыли от правоохранительных органов труп бизнесмена Вадима Кобылкина, задушенного ночью на свалке по приказу главаря преступной группировки.

Глава 13

Зима подкралась неожиданно, в самом конце ноября. Еще вчера моросил противный мелкий дождик, улицы Н-ска утопали в грязи, а прохожие, чертыхаясь, проваливались в лужи. Сегодня же все выглядело иначе. Ударивший ночью мороз высушил слякоть. Густой снег спрятал под пушистыми, искрящимися хлопьями безобразную наготу поздней осени. Во дворах резвились дети, со смехом перебрасываясь снежками. Солнце также не обидело город, щедро залив его своими лучами. Они проникали и в просторную светлую комнату, обставленную элегантной импортной мебелью, где в мягких креслах, обитых натуральной кожей с серебряным тиснением, расположились двое мужчин. Между ними стоял небольшой полированный столик с двумя рюмками, фруктами в фарфоровом блюде и почти нетронутой бутылкой армянского коньяка. Мужчины беседовали. Один из них производил впечатление доброго старого дедушки: седой пушок, обрамляющий блестящую лысину, румяное улыбчивое лицо, мягкое брюшко, оттягивающее фланелевую рубашку. Старичок неторопливо поглаживал сибирского котенка, мурлычащего у него на коленях. Казалось, сейчас прибегут из школы румяные от мороза внуки, дедушка одарит их мудрой, ласковой улыбкой и начнет рассказывать хорошие веселые сказки. Усомниться в этом можно было, лишь заглянув в его холодные жесткие глаза, пронизывающие смертным холодом любого, кто попадет в их прицел. Не было у дедушки внуков, а сказки он знал только страшные, да и не сказки это вовсе были. Безобидного старичка, по паспорту Андрея Федоровича Филиппова, в преступном мире города Н-ска знали как «вора в законе» по кличке Филин. Его слушались, боялись, уважали, но, пожалуй, больше всего все-таки боялись. Филин не знал жалости, и становиться у него на дороге было крайне опасно. Те, кто не нравился «доброму дедушке», бесследно исчезали. Иногда спустя долгое время их разложившиеся трупы находили где-нибудь в глухом лесу или в канализации, чаще не находили вовсе.

Вторым собеседником являлся известный нам Алексей Кадиев. В настоящий момент он был смертельно бледен, непрерывно потел и нервно мял в руке незажженную сигарету. Последнее время дела Кадия складывались на редкость плохо, если не сказать отвратительно. Почти все ядро банды было выбито, большинство молодых боевиков разбежались. Почувывшие его слабость подопечные коммерсанты нагнали, открыто отказывались платить. Кадиев каждую неделю менял квартиры, старался реже появляться на улице, но, несмотря на все предпринимаемые меры предосторожности, чувствовал, как упорно приближается смерть. В любую минуту его могли настигнуть ребята Савицкого, перерезать горло, вогнать пулю в лоб. Безжалостный, безразличный к чужой жизни, Кадий свою собственную шкуру очень ценил. Мысль о неизбежной скорой гибели приводила Алексея в содрогание.

Именно поэтому он явился сегодня к Филину, надеясь, что тот поможет выпутаться из создавшейся ситуации. Откровенно говоря, надежда была весьма зыбкой, поскольку Филина с Кадием ничего особенного не связывало, просто Алексей исполнил как-то в лагере пару его поручений: передал на волю письмо да опетушил оборзевшего фрэера. Даже адрес Филина он узнал случайно, через десятые руки договорился о встрече. Однако другого выхода у Кадиева не было.

– Да, Лешка, плохо вы себя ведете, – ласково говорил Андрей Федорович, шурясь от солнца. – Такую бучу в городе учинили, столько крови пролили, милицию вконец обозлили! В наше время так не делалось. Люди тихо жили, культурно работали, не высовывались. Нынешняя молодежь совсем распустилась. Чуть что, хватают автоматы и давай палить во все стороны. Нет чтобы аккуратненько – ножичком да в бочку с цементом.

– Все начал Савицкий, – попробовал оправдаться Кадиев.

– Глохни, падлю, – процедил сквозь зубы Филин. В глазах его полыхнуло холодное пламя, но губы продолжали по-прежнему улыбаться. – Резню начал ты, думаешь, мне неизвестны детали?! Конечно, Сава неправильно поступил, допустил беспредел, нужно было вызвать его на разбор, но какое право имел ты начинать войну без разрешения воровской сходки?

«Старый дурак, – мысленно выругался Кадиев. – Живет вчерашним днем: «по понятиям». Конечно, они еще действуют на зоне, но на воле теперь совсем другое. Чихать хотел Савицкий на ваш «разбор» да на вашу «сходку». Воровские толковища уходят в прошлое. Сейчас решающим аргументом является автоматная очередь. «Вор, вор» – подумаешь, какая птица! Заряд картечи в брюхо, и нет «вора». Именно так поступил я с теми, из моего родного города!»

Однако он не стал высказывать вслух эти крамольные мысли, напротив – изобразил на лице почтительно-виноватое выражение.

Филин смягчился.

– Ладно, что сделано, того не воротишь, – продолжил он более миролюбиво. – Но резню пора прекращать! Глянь, что творится вокруг! Менты вконец озверели. И все из-за таких мудаков, как вы. Есть мнение – наказать вас обоих, чтоб другим неповадно было, и в первую очередь тебя! Вася, Петя, зайдите сюда, – умильным голосом позвал старичок. В комнату ввалились два здоровенных уголовника, о присутствии которых в квартире Алексей до сих пор не подозревал. Тело его начала колотить мелкая дрожь, в глазах потемнело, комната закачалась, как во время шторма.

– Вот думаю я, – говорил тем временем Филин, по-прежнему улыбаясь и поглаживая котенка. – Что лучше сделать с тобой, Леша? Опетушить или завалить?!

Кадий подавленно молчал. Оправдываться, просить пощады не имело смысла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.